

СМЕНА

10
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕСНЯ ТУРИСТОВ

Пусть себе спешат
По дорогам ветры,
Нас не устрашат
Версты-километры.

Пусть рюкзаки тяжелы,
Пусть круты подъемы —
Вдоль колючих сел
С песнями пройдем мы.

Дышится легко,
Воздух свеж и чист.
Нам усталость незнакома,
И вездѣ себя как дома
Чувствует турист.

Зазвенит топор
На большом привале,
Вспомынет костер,
Потемнеют дали.

Хорошо идти
Лесом, полем, лугом.
Песня нам в пути —
Лучшая подруга.

Дышится легко,
Воздух свеж и чист.
Нам усталость незнакома,
И вездѣ себя как дома
Чувствует турист.

Владимир СЕРГЕЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Май, № 10, 1958 год.

Год
издания
35-й

СЛОЖНЫЙ СПЛАВ

Фото

В. Тюкеля и А. Степанова.

Ослепительный голубовато-розовый свет залил рабочую площадку печи. Кинооператоры нацелили камеры на сленной желоб, по которому вот-вот должен был устремиться в ковш огненный поток стали. Шли последние минуты плавки. Молочное гудение электрических дуг заглушало голоса: люди у печей, переговариваясь, сопровождали слова энергичными жестами. И вот медленно пополнили вверх докрасна раскаленные электроды, печь плавно наклонилась, и над ковшом вверх взметнулись солнечные искры. Пошла сталь. Операторы припали к камерам.

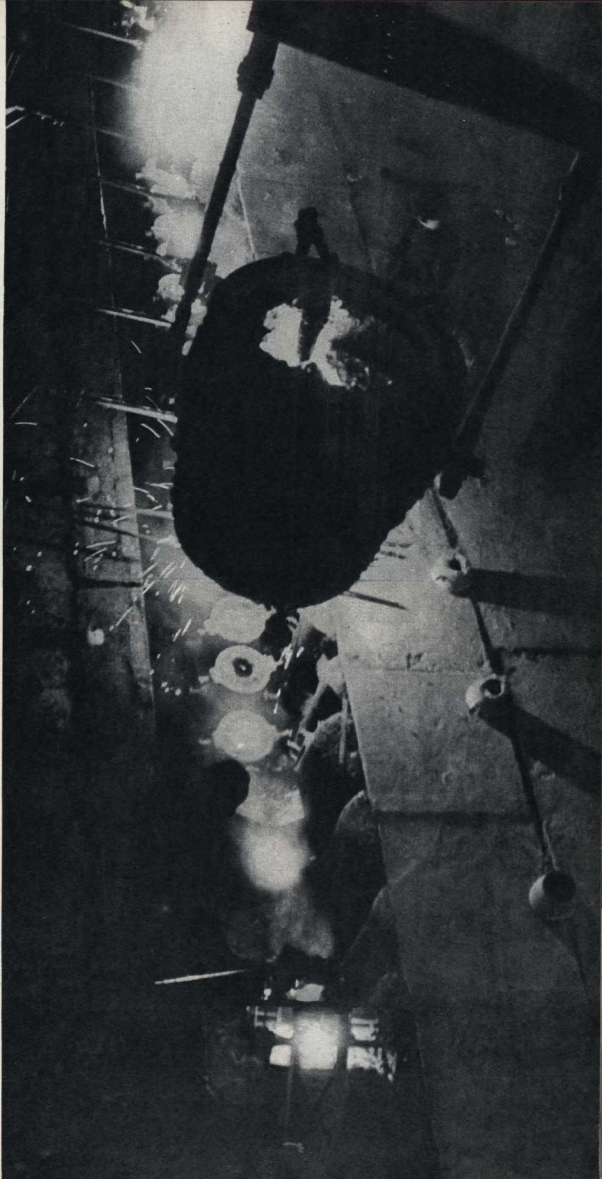
Я с интересом смотрел на эту необычную для цеха картину. Старший мастер Иван Павлович Солодихин пояснил мне: снимались кадры для документальной киноленты «Юность Подмоскowska». Большой коллектив металлургов завода «Электросталь» представляли в фильме комсомольско-молодежные бригады первого сталеплавильного цеха — Сергея Дубова, Николая Морозова, Петра Гуреева и Алексея Сергушина, работавших на четвертой печи.

— Третий день крутят, — кивнул головой в сторону операторов, усмехнулся Солодихин. — Сталевары даже измучились с непривычки. Вчера Гуреев жаловался: никогда, говорит, с таким напряжением плавку не вел, семь потов сошло.

— А в общем-то ребята, должно быть, доволны. Все-таки приятно будет увидеть себя на экране.

— Довольны, конечно. — Солодихин обвел взглядом цех и после небольшой паузы добавил: — Только хорошо бы и остальных наших комсомольцев показать... Они заслужили этого.

Тогда я не придал особого значения последним словам старшего мастера: мог ли сказать иначе человек, который проработал в цехе четверть века, обучил сложному искусству сталеварения не один десяток парней, любил своих учеников и ревностно следил за успехами молодежи? Но позже, разговаривая и со сталеварами, и с начальником цеха, и с комсомольскими вожаками, я понял, что имел в виду Иван Павлович Солодихин.

Над разливочной канавой повис тяглый туман. В изломы устремилась сталь.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВСТАТЬ НА НОГИ

Основной пятидесят летнего года в первом сталевальном цехе в первой пятидневке, как называют этот цех на заводе, прошло отчетно-выборное комсомольское собрание. В отличие от прошлых оно не обходилось без острых споров и горячих речей. Почти все выступавшие говорили, что цеху необходимо перебраться на комсомольскую огоньку, чтобы ребята пора шарили так, чтоб, не боясь ветра, выйти на самый чистый и несть штормовой простор. На собрании припомнили историю ухода из цеха молодого сталевара Кузьмина. Пожалуй, обиднее и больнее оказалось бы бесидный помочь этому парню, когда он покончился в жизни, когда плавники и туловище уехали его...

Собрание избрало нового цехового бюро — обуюю птерку, как выразили кто-то из сталеваров. В бюро вошли и трое совсем молодых металлургов, трое друзей: Владимир Буров, Лев Косарев и Константин Баканов. Подружились они давно, еще в институте. Учились ребята в одной группе, жили в одном общежитии, занимались одной общественной работой — комсомольскими делами, а приехали из «Электростали» — попросились в один цех. Так все трое стали помощниками мастеров в первой пятидневке. Начали они работать с душой, быстро заволаки в коллективе авторитет, и как-то незаметно исчезла грань между иноканьки и теми металлургами, кто проработал на заводе по несвоему лету. Поэтому-то предложение вести их в состав цехового бюро иноканьки из комсомольцев не удивило, кто работали друзья на заводе всего два месяца.

Перед новым бюро сразу же встал важный вопрос: за какое живое дело взяться, чтобы различать тот самый огонь, о котором говорили на собрании!

В заводском комитете новому консоргу Косареву сказали: — Лет шесть назад ребята из первой пятидневки чем похвально. Ты потолкуй с Игнатов Мисальским. Пусть он вспомнит, как гремела его комсомольско-молодежная бригада. Хорошо бы возродить традицию — создать несколько таких бригад. Подумай, консорг, может быть, с этого и начнешь.

Косарев слышал о молодежных бригадах,

Николай Морозов — сталевар высокого класса. На расширенном заседании Московского совнархоза он сказал: «В этом году на четвертой комсомольско-молодежной пени кандаца вторая плавка будет спортивной!»

которые работали когда-то на первой электростали, и даже говорили с бывшими бригадиром Игнатов Мисальским и Николаев Шенарским. «Может быть, действительно», — размышлял консорг, — не откладывая в долгий ящик создать в цехе пять — шесть комсомольско-молодежных бригад и таким образом поднять производительность труда за плавку, за чеканку металла, за барельефованье? Он даже принял мысленно, кого из сталеваров можно было бы поставить бригадирами. Принял и усмехнулся: «Не торопись, не спеши... О каких бригадах может идти речь, если и активнее в цехе никого нет!»

Косарев и все его товарищи отчетливо понимали: именов думать хоть год, пока не переизберут, планировать чекане угодио грандиознее. Поэтому-то и мечтали спешком комсомольско-молодежное чекане, все равно, прежде чем поднимать людей на большие дела, надо создать крепкую опору в коллективе.

Вскоре после первого же заседания бюро рядом с диспетчерской появилось объявление, извещающее о том, что а ближайшее воскресенье намечается эскурсия в Кремль. Свободных от работы и жвающихся поехать в Москву приехали десятки ивет даже из провинции. «Вот так!» — воскликнул. Визу стала подпись: «БЮРО ВКСМ!»

«Велюшки» оказалось больше, чем предполагали, эскурсия пришлось повторить. Вскоре после этого Володя Буров привез из Москвы билеты в Мавлей и Художественный. Он начал периодически сбывать ребята билетами и на спортивные состязания, выставки, на самые лучшие спектакли и концерты, причем так и оставался тайной, как улавлялось ему иногда поучастия десятка ивет даже из провинции.

В Москву выезжали шумными, всевыми компаниями. Добиралось до столицы в автобусах, пали так, что дню давались выдвигшие ивет шаферы. Тут же заглавли разговоры о swim, совхозники, чеканки.

В цехе не было ни лыж, ни коньков; о радиопле и бильярде ребята могли только мечтать. Баканов упрямил начальника цеха выделить на аккулитурный часть преминальных, которые получала первая пятидневка за паравальное плана. И вскоре молодежь обзавелась «хозяйством»: в цехе появились радиопле, музыкальные инструменты, бильярд, шахматы... Организовали хоккейную команду, начали проводить лыжные вылазки, участвовать в кроссах.

Обо всем этом, может быть, и не стоило много говорить: не ати уж какие дела — поедать в Москву, кроссы, тематические вечера... Но о работе бюро это было не самым правильным направлением. Прежде чем сделать первый шаг, нужно было встать на ноги.

И комсомольцы встали. Грудно представить себе, как сильно изменился молодежный коллектив за каких-то недель. Ребята лучше узнали друг друга, сдружились и, пожалуй, впервые почувствовали свою силу. Тогда-то и стало ясно всем комсомольцам и бюро: пора создавать на пенах молодежные бригады!

И комсомольцы встали. Грудно представить себе, как сильно изменился молодежный коллектив за каких-то недель. Ребята лучше узнали друг друга, сдружились и, пожалуй, впервые почувствовали свою силу. Тогда-то и стало ясно всем комсомольцам и бюро: пора создавать на пенах молодежные бригады!

Это было осенью пятидесят шестого. Тогда начал Косарев решил познакомиться с одним из мастеров. Коротко он изложил суть спор разговора, который на заседании бюро продолжился без малого два часа.

— Слышал я про вашу идею... — без особого энтузиазма проговорил мастер. — Идея отличная... — восторженно сказал Косарев. — Хочу зайти к начальнику цеха. Как ты считаешь?

Мастер, негаторпение разминая пальцами пипиросу, пожимал головой: — Не советую.

— Почему?

— Да потому... Ному нужны эти бригады?

Косарев даже растерялся: такого вопроса он не ожидал. — То есть как кому? Нам. Комсомольцам. Производству. Мы хотим сами варить сталь! Хотим сами отвечать за свою работу... Бригада — это же коллектив... — Он чувствовал, что слова его не трогают и не убеждают мастера.

— Ну, допустим, молодежные бригады нужны. А ты представляешь, что для такого дела

потребуется? Ведь придется поломать все бригады сталеваров...

— Подожди. Не это же главное. Ты уверен, что молодой подручник, который сейчас работает с опытным сталеваром, ну, скажем, с тем же Булатовым, пойдет к бригадир-комсомольцу?

— Убежден! — запальчиво сказал Косарев. — И уж если ты имеешь в виду заробок, то можешь быть спокоен: через полгода твой подручник в своей молодой бригаде будет получать гораздо больше.

Мастер усмехнулся: — Посмотрим.

Этот разговор не охладил пыла боевой патарки. На другой день Косарев заглянул к парторгу Миронову и попросил его поговорить с начальником цеха и поддержать их инициативу.

А то некоторым наша идея не по душе... — на всякий случай предупредил Косарев, улыбаясь, однако, о разговоре с мастером.

Баканов и Буров принялись составлять списки бригад. Это была трудная задача. Надо было поговорить с каждым из молодых сталеваров, узнать, насколько предрасположен молодежи, которые позже могли сказаться и на работе цеха, и на плавке, и на качестве металла, да и на зароботе ребят тоже.

Начальник цеха Николай Делавров внимательно рассмотрел списки, внес кое-какие поправки и в заключение сказал:

— Бригады мы организуем обязательно, давно пора. Но с одним условием. Вы тут предлагаете некоторые первые подручники поставить сталеварами. Но возражаю. Подручье, кого еще можно выдвинуть. Старички наши на отдых уходят, им нужна смена. Но вот мое условие: обязательно учиться — и сталеварам и подручникам — в вечерней школе, в техникуме, в школу, в институт, куда угодно...

Примерно через неделю у печей вывесили небольшие таблички: «Здесь работает комсомольско-молодежная бригада...» В красивом уголке появились девятка своих ребят — молодых сталеваров. Но нужно было контролировать и вмешиваться в дела бригад не каждый десятый день, а ежедневно, гораздо оперативнее... Так возникли в цехе контрольные комсомольские бригады, которые не были ни ограничены контролем бригад. Они расширили зону обстрела, без особых церемоний били и по смежным участкам, если те мешали нормальной работе сталеваров.

БОЛЬШЕ ИСТИНЫ, ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Дуль озорной, еще холодный ветер. Он нес последние диканье уходящей зимы и первые осенние запахи. Шагая ветру на встречу, Лев Косарев нахлобучивал шапку на самые боры. «Вот мы и влезли за большие дела», — думал он. — Решившемуся ребят, околотком никто не влезил за настоящие дела. Конечно, плясать от восторга рано, но, честное слово, огоньек в цехе разгорается...»

Когда два года назад, никто из ребят даже не думал о славе. И сталевар Николай Морозов вряд ли мог представить себе, что а январе пятидесят восьмого его рассказ о четвертой пени будут слушать на расширенном заседании Московского совнархоза... В ту пятницу и бюро и всех комсомольцев литейной цеховали только ребята шаг новых бригад.

А на пути у них были неудачи и огорчения. В журнале контрольных постов появились короткие тревожные сигналы: то смели холодный металл, то сорвали футеровку, то допустили простой печи. Как-то раз Косарев зашел в диспетчерскую и радостно сообщил, что несколько минут назад Игнат Мисальский выпустил качественную плавку. Ставший мастер цеха Солюдин встраивал это сообщение молчанием.

— Обрадован! — сказал он наконец. — Вы бы лучше о качестве больше беспокоились. — Косарев не отговорился:

— Два дня назад ушла на маринировку плавка бистрореза... Солюдин назвал номер плавки и пояснил: «Твои варили...» Только что закончили из лаборатории: всю плавку забраковали по химанализу!

— Не может быть!

Один из мастеров, сидевший в диспетчерской, жестко усмехнулся:

Петр Гуреев берет пробу металла.

— Ты проверь, комсорг: может, плакха-то скоростная была! Тогда простительно.

Комсорг поклонился на мастера, но промолчал. Солодник подбежал к краю стола листок бумаги, на котором были записаны результаты лабораторного исследования.

— Читай. Вынадык в металле не хватает, зато на марганец не поспешили. Не научились еще твои ребята различать ферросплавы, забросили в печь не то, что надо... Позор! Как они еще свою печь с соседней не путают...

С той весны особенно ядовитыми стали и сатирические листки и ежедневная цеховая стенигазета «Плавка», а на бюро и комсомольских собраниях беспощадно и без извинения начали бить кого следовало за малейшие нарушения технологии, за халатность, брак.

Это были трудности, неизбежные там, где заключает жизнь. И бригады с каждой декадой работали все лучше и лучше. Связывалось и стремление сталеваров оправдать доверие товарищей, и пристальное внимание всех комсомольцев и молодёжников бригадам, и учебба — учебба не только в школе рабочей молодёжи, в техникуме, но и здесь, в цехе, на рабочих площадках.

Были недели, когда Косареву, Бурову и остальным членам бюро казалась: все налажено. Хорошо работали, хорошо учились, хорошо отдыхали. Но неожиданно после смены становилось известно, что сталевар обманул мастера, взяв неверную пробу металла, а подручный обманул своего товарища-сменщика, который потребовал навести порядок на рабочем месте. И надо сказать, чем чаще варили скоростные сплавы, полнее набирали коши, больше экономили энергии, тем досаднее было узнавать, что комсомольцы снова где-то недоглядели, о чем-то забыли.

Но еще досаднее было узнавать, что некоторые сталевары, добившись успехов, начинали зазнаваться. Один короткий сталевар, пользовавшийся заслуженным уважением, так и заявил на оперативном начальнику смены: — Добейся-ка ты такого почета, как я, а потом учить меня будешь!

Тогда снова вывешивались сатирические листки, созидались короткие, деловые собрания, на которых говорили откровенно и жестко...

ПОЧЕТ И УВАЖЕНИЕ

Прошел год, другой... Можно было бы рассказать о том, как дрались ребята за первоизданный вымпел заводского комитета комсомола и Красное знамя горкома ВЛКСМ; как четвертая комсомольско-молодежнаяступила в единороборство с комсомольско-молодежной печью «Днепрогостстали»; как были созданы еще три молодежные бригады. Но это была бы целая повесть.

В наступающем году десять комсомольско-молодежных бригад первого сталеплавильного цеха провели около полутора тысяч скоростных плавов, дали более тысячи тонн высококачественного металла сверх плана, сэкономили сто тысяч киловатт-часов электроэнергии, сэкономили стране сотни тысяч рублей. Известными стали имена молодых сталеваров Масальского, Морозова, Васильчикова, Сергушина, Гуреева, Дубова, Егерёва, Муравлева, Бойцова, Муравина.

Комсомольцы цеха заслужили и почет и уважение!

Как-то Николай Морозов завел с новым комсоргом Владимиром Буровым разговор о том, что повзрослел у них мысль на четвертой печи работать на нижних пределах содержания легирующей.

Как известно, высококачественная сталь — сложенный сплав, содержащий, кроме железа, добавки различных элементов — легирующих, которые и придают металлу определенные свойства. При этом содержание легирующих может колебаться в некоторых допустимых пределах. Безусловно, выгоднее работать на нижнем пределе: все-таки легирующая — вещь дорогая. Но добиться этого нелегко: от сталевара и мастера требуются высокое мастерство, вернейший расчет, точность и точность.

Именно такую задачу — работать на нижнем пределе — поставил перед собой коллектив четвертой печи.

А через несколько дней, в начале января, добавив многоотражкам опубликовала объявление бригад комсомольско-молодежной электроэнергии, подписавшее сталеварами Петром Гуреевым, Николаем Морозовым, Алексеем Сергушиным и Сергеем Дубовым. Они призывали молодежь завода отметить хорошие делами содержание Ленинского комсомола. Сами же обязались сэкономить и внести в комсомольскую копилку не менее четырехсот тысяч рублей, работать на нижних пределах содержания легирующей, выплавлять каждую вторую плавку скоростной, дать к концу года не менее четырехсот тонн высококачественной стали сверх задания...

Этот призыв всколыхнул заводскую молодежь. Вслед за сталеварами приняли высокие обязательства и кошильщики и разливщики, а в других цехах — каландристы, волочильщики, термисты, токари, молодые работники заводской лаборатории...

Комсомольцы завода не боятся поисков и борьбы, не боятся трудной дороги. А ведь это — главное.

Н. ВАСИЛЬЕВ

г. Электросталь

Хорошие вести! Людмила Айнана читает подруге Укутло письмо, полученное с далекой Чукотки.
Фото Ю. Шалямова.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО НАД ТУНДРОЙ

ОТРЫОК ИЗ ПИСЬМА
КАНАДСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ ДЖОНУ СТУАРТУ

Летом прошлого года в Ленинграде побывала группа канадцев. Заоеканские гости пришли к нам в институт, на отделение народов Севера, чтобы увидеть нас своими глазами и услышать правду о жизни малых народов Советской страны. Их познакомили с нами, будущими педагогами — эскимосами, чучемми, хантами, манси, ненцами. Гости о многом расспрашивали студентов и рассказывали о жизни эскимосов в Канаде. То, что мы узнали от гостей, поразило каждого из нас.

— В нашей стране, — говорил один из канадцев, — слова «эскимос» и «иньяльшана» несомнестны. Многие у нас считают, что эскимосам нельзя давать в руки даже такого простейшего оружия, как нож. Да и зачем они им, если они не только мясо, но и шкуру зверя разгрызают зубами!

Канадцы сообщали также и о том, что в музее Торонто экспонируются живые эскимосы, что целое племя их — три тысячи человек! — погубило от голода только потому, что им негде было достать патроны для охотничьих ружей.

И вот передо мной лежит письмо, полученное недавно от канадского журналиста Джона Стюарта, который был в числе гостей, посетивших наш институт. Он продолжает интересоваться нашей жизнью, и я решила через журнал «Смена» ответить ему.

Да, господа Стюарт, у нас в Советском Союзе, где все народы, большие и малые, имеют совершенно равные права, жизнь эскимосов совсем другая, нежели у нас в Канаде.

По рассказам старших я знаю о дореволюционном прошлом моего народа. Это была нерадостная жизнь. В эскимосских ярангах часто появлялись американцы, приплывавшие к нашим берегам из-за океана. Они подкапывали людей «опиумной водой» и выменивали у них ценные шкуры лисиц и песцов на стеклянные бу-

ды. В детстве я много наслышалась и о шаманах. В эскимосских поселках Науане, Уэлькале и Сиренях люди жили в вечном страхе перед злыми духами, пролибави и диком невежеством. Мой дед и умер неграмотным, а отец узнал «разговор на бумаге» и научился писать только в тридцать лет.

Великий Октябрь изменил судьбу моего народа. В раннем детстве я осиротела, но обо мне по-отечески позаботилось государство. Я жила в школьном интернате и училась в бунте Провидения. Моими первыми наставниками были русские учителя — Инна Михайловна Ядченко и Екатерина Михайловна Прокровская. До сих пор с нежностью я повторяю их имена, хрюню как корову память их фотографии. Это они привили мне любовь к литературе, к будущей профессии учительницы.

Сейчас я учусь на четвертом курсе института и уже совсем ошутимо приближаюсь к своей мечте. Недавно я начала проходить практику в 221-й школе Куйбышевского района города Ленинграда. Свои первые уроки я посетовала разбору произведений Николая Островского и, конечно, очень волновалась. Ведь впервые в жизни я передавала свои знания другим!

Как вы помните, наше студенческое общежитие находится в центре города — на углу Невского проспекта и улицы Желвава. Студентам ни о чем не приходится беспокоиться, так как живем мы в интернате, на всем готовом и к тому же еще получаем стипендию. Я увлекаюсь книгами и собрала библиотечку классической и современной литературы. Очень часто хожу в театр, филармонию, слушаю выступления не только советских, но и лучших зарубежных музыкантов и певцов.

Не подумайте, господа Стюарт, что я веду какой-то особенный образ жизни. Воисте нет! Как живут все мои подруги и товарищи по институту, а то числе и чучка Укутло и эскимоска Кагак, с которыми я дружу. Мы всегда вместе: и в институте, и в музее, и на концертах, и в театрах.

Много моих товарищей по школе учится в вузах Ленинграда и других городов Советского Союза. Успешно овладевают науками в высших учебных заведениях Федя Кузла с мыса Чаллионо и

Виктор Уха из Пюэера. В мореходных училищах утася с мои земляки Пауауты и Ну-тавли: один — во Владивостоке, другой — в Петрозаводске. Камчатке Эскимос Ятыгин оканчивает Новосибирский институт связи.

В прошлом году летом я ездая в каникулы в родное село Чаллионо, где живет моя сестра — колхозница зверопромисловой артели «Новая жизнь». Во всех ярангах — электричество и радио. В поселковом клубе идут кинофильмы, устраиваются концерты. Когда я побывала в магазинах поселка и посмотрела, сколько там различных товаров, мы исполнились рассказав вам печальную историю племени канадских эскимосов, вымершего из-за недостатка охотничьих патрoнов.

Наше Советское государство щедро снабжает колхозников Чукотки. В их распоряжении не только боевые винтовки и патроны, но и вельбиты, и шкуры, и катера. На морских зверобойных станциях колхозники получают все необходимое для успешного промысла.

Если бы мы посматрели, что делается в бунте Провидения летом! Пароходы, пароходы, пароходы... Их, пожалуй, столько, сколько автобусов на Невском проспекте. Из центра России летят на Чукотку самые разнообразные товары: ткани, готовые платья, обувь. Наши девушки давно сменили кулдушку на европейские платья. Приходят пароходам, грузовые «борнмаи» домам, оборудованном для первого оттопления и водопровода.

Многие эскимосские семьи переезжают из яранг добротных деревянных домов. Недалеко от нас есть колхоз-миллионер, так там вырос целый поселок таких домов. Во всех эскимосских селах имеются школы, а в Аламы — педагогическая и медицинская училища, школа колхозных кабаров, детская спортивная и музыкальная школы.

Среди эскимосов немало талантливых художников и музыкантов. Эскимосы работают в государственных учреждениях, на поларных станциях и гидроабзур, работают везерваром, банниками, летчиками. Нет у нас такой семьи, в которой бы дети не учились.

В селе Уэлькале директор школы — эскимоска Анал-Ана. Несколько лет назад она окончила Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена, и теперь ее знают на Чукотке не только как образцового руководителя школы, но и как автора букваря, по которому учатся эскимосские дети.

Сейчас в моей родне весна. Уже выцвела везерваром, белое ночи. Скоро тундра покроется ярким ковром из цветов. Я мечтаю о том, чтобы поскорее окончить институт, вернуться домой на Чукотку и упрямствоваться там в школе.

Надеюсь, что господа Джон Стюарт прочтет в журнале «Смена» мое письмо и не сочтет за труд рассказывать о жизни нашей прессы о весне моего народа. Я хочу, чтобы канадские эскимосы узнали о том, как живут их собратья в Советском Союзе.

Людмила Айнана,
студентка Юго-Восто-
Куйбышевского института
имени А. И. Герцена.

Чукотский поселок.

Рисунок П. Пивкиевича.

Иван КОЗЛОВ

ИСТОРИЯ ЕГО «УНИВЕРСИТЕТА»

Иван Андреевич Козлов (1913 г.).

В декабре 1919 года Красная Армия освободила Харьков от денацификации, и через несколько месяцев в театрах и клубах города шла пьеса «Подполье», пользовавшаяся большим успехом у зрителей. Написал пьесу бывший секретарь Харьковского подпольного губкома партии профессиональный революционер-большевик Иван Андреевич Козлов. Эта пьеса была его первым литературным произведением.

Козлов-писатель неведом из Козлова, большевика. Его творчество неразрывно связано с его революционной работой. Все, о чем он написал, — это его жизнь. В 1905 году семнадцатилетним парнишкой Иван Козлов вступил в ряды партии. Он активно участвовал в слав большевистской подпольных — в дореволюционное время, в годы гражданской войны и Великой Отечественной войны. Много раз пришлось Козлову сидеть в царских тюрьмах, отбывать

каатор; он совершил пять побегов и однажды бежал из-под расстрела. Перу Ивана Андреевича принадлежит пьеса «В волчьей пастби», «Стена», «На волю», «Конец Кабаевского». В 1926 году была начата его первая повесть, «Историка», которую он закончил еще в тюрьме.

Отвечественная война преврала литературную работу Козлова. Вернулся он и ней лишь после победы над гитлеровской Германией уже танкоавтомобильным и заветчайные советские патриоты — писал он в 1948 году одному из старших товарищей, — воодушевляли меня на воспоминания «В крымском подполье». Очевидно, что удалось написать никому другому для нашей партии и народа. Месяц назад у меня заболел последний глаз, и врачи запретили мне писать и читать».

«Всего года на запрет врачей, Иван Андреевич в 1952 году выпустил новую книгу — «В городе русской славы» — и продолжил работать над автобиографической трилогией «Изыск в борьбе».

Весной 1954 года писатель потерял зрение совершенно. Тяжелый недуг приносил его и постели. Но он не сдавался — дома и в больнице продолжал диктовать свои воспоминания и довел их до конца.

В предисловии к первой книге «Изыск в борьбе» Иван Андреевич писал: «...а совершенно слепой, а тяжелые недуги часто приношают меня к постели. Но если мой скромный труд поможет партии в воспитании нашей молодежи, то я буду считать, что моя цель достигнута, и эти книги будут завершением той партийной работы, которой я занимался все жизнь».

Сегодня мы публикуем последние произведения И. А. Козлова. Оно готовилось для молодежного журнала и было оиюнено за несколько дней до смерти. Этот рассказ — мой последний образец и воспоминание, которую И. А. Козлова горячо любил и в которой видел достойную смену своему поколению.

Своем как мой! — с восхищением думал я! И отец! Такой же драчун и пьяница, как мой, только Власов — силан и черный, а мой с курчавой рыжей бородой и не такой сильный».

Повесть Горького завывала два, сердце моему успешно била. Да, такое я слушал впервые: Горький, казалось, рассказывал о виданном и слышанном много раз, но все это звучало по-новому и прекрасно!

Взять хотя бы, и приманку, моего мать. Она так же боялась за своего сына, так же просила меня быть осторожнее, покажет ее на старости лет. Она так же приватливо встречала и прождала вняле непонятный ей, чужий люди — мои товарищи по партиям.

Картинки одна за другой вставали передо мной. Декабрь 1905 года. Московское вооруженное восстание ширело подавлено. По всей

стране рыскают карательные экспедиции. Мать прачет меня в погреб и хлопчет о побеге в Егорьевск...

Ранняя весна 1907 года. Я снова в родном селе Сандарки. У меня сидит Иван Алексеевич Кокушкин (партийная кличка «Евгений»), организатор московской «Оборужки», — так назывался тогда Московский оружейный комитет РСДРП. Пока мы с ним обсуждаем партийные дела, мать копается около дома — придумала себе дело и сторожит нас от постороннего глаза.

Осень. Мать находит мне звончую квартиру, у самой сердце обливается кровью от горя, что сын ее снова уходит на дому. Вот она, рано постаревшая от непосильных забот, встречает на станции другого нашего организатора, Валентина (Николая Андреевича Гаврилова), берет у него невалящину и несет домой, прачет во дворе под крышей, а потом с Биткой Бульваром переправляет полученное мне.

А гликтерин! Она помогла закупить нужное количество гликтерина для моего подпольного факторфа... Все, все она делала, а прийти ко мне на звонкую квартиру не могла. Мы жили в одном городе, а виделись иногда редко.

Сколько неоцененных услуг оказывала нам мать! Но я как-то мало ценил тогда ее помощь. Мало придавал этому значения. А вот теперь по-чужому гляжу на все это и сравнил свою мать с Нильсовой. Острая жалость и топка по матери пронизали сердце. Разве отплатит я матери сыновней лаской за все заботы и тревоги! Нет. Без конца ее тревожила, и только...

Своем недвину она, собрав последние пятаки в дома, приехала в Москву, добилась свидания со мною. На последнюю копейку купила пару баранок и два небольших хлеба. А может быть, и не купила, может, угостила ее кто-то или она выпросила их для меня у богатого родственника, ее брата, превращавшего ее за бедность.

Всю жизнь я помню эти злополучные червячьи хлебки!.. Студенты часто угостили нас, и мне очень хотелось угостить чьим-нибудь своим товарищем, но было стыдно предлагать такие хлебки. Я не только не угостил, но даже не пожевал их «Идиот! Чего стыдишься! Бедности матери!» — с глумом думал я о себе, воротился из тюремных переж. Мне еще горело от стыда за свой стыд...

В этой же тюрьме от студентов Вегера и Антонова мы узнали и биографию Горького. Окно

ТАКОЕ Я СЛЫШАЛ ВПЕРВЫЕ...

— Приходи в нашу камеру, Горького читать будем. Передать своим, — шепнули мне.

— Сегодня у студентов новую книгу читать будут. «Мать» Горького, — передавая я, в свою очередь, товарищам по камере.

Когда собрались все «приглашенные», мы поставили у двери дежурного, чтобы подал сигнал, если появится надиратель.

Книгу читал вслух один из студентов. С первых же страниц повесть меня поразила суровой правдой жизни. Казалось, все, что я слышало, давно мне знакомо, я сам где-то читал об этом. Невольно стал напрягать память: «где? И вдруг: «Нет, не читал! Все это было у нас в Колодне!»

Во многих персонажах Горького я узнавал своих товарищей по заводу. «А мать, Николая!

залься, автор легенды о сердце Денно, «Песни о Союле», «Песни о Буревестнике» и многих других тогда уже хорошо известных произведений — совсем не студент, как сначала мне казалось, а такой же простой человек, как я. И обрадованья у него нет никакого. Не знаю, почему, но мне было приятно это узнать. Совершенно неожиданно пришла в голову мысль описать революционные события того года у нас, в Коломне, заготовил рассказать о моей матери.

Эти мысли не давали мне покоя. Я их гнал от себя, но они незаметно лезли в голову. «Скучно ли тогда писать так кратко и ярко, как это сделал Горький? А что же тут особенного? Ведь Горький тоже пишет о простых людях...»

Так спорить во мне две голоса.

«Поговорить бы с грамотным человеком...»

ЗНАКОМОСТЬ С ФРУНЗЕ

После трех месяцев тюрьмы меня вывели на два года во Владимирскую губернию под гласный надзор полиции. Отвечивший у местного мэндарма, я на второй день бежал и место вновь провешав, сегодня.

Забыв партийного подполья на время погасили в мне желание написать повесть. Каково уж там писание! Бродячая жизнь революционера-профессионала известна: не знаешь, где ночь проведешь, сегодня.

Но волная жизнь моя вскоре кончилась. На занятии подпольного кружка пропагандиста орехово-зубовских тачек (я вел его, будучи ответственным организатором москов-

ской «Окружки») меня снова арестовали. Это случилось 29 сентября 1908 года.

«Польский корпус» во Владимирском кадетском центре, куда нас посадили после ареста, был изолирован от других высокой каменной стеной с толстыми железными воротами. Нас разместили на третьем этаже, по две в маленьких одиночных камерах с крохотными окошками под самым потолком. Если встать в коридор и взглянуть в окно, то из него можно было увидеть торное кладбище с множеством безымянных желтых крестов. Здесь были похоронены умершие или казненные узники. Имена их кагали в вечность.

Две железные решетки, приращенные к стене и обутые брезентом, служили калитками. На день они поднимались к стене. Небольшой железный столик тоже прикреплен к стене, две табуретки; около двери деревянные ведра, завешаны красной, знаменитой парадной шерстью. Вот и вся «обстановка» наших камер. В двери форточка, через которую арестантам подают обед; есть еще вольеры — круглые отверстия, закрытые снаружи.

Вам знакомы со мной палач ореховский тач Вася Цыганов, молодой человек лет двадцати двух, с круглым румяным лицом и веселыми глазами.

— Кто это вас будет дальше? — недоумоумен спросил он, как только за нами залопулилась дверь.

— Поживем — увидим, — коротко ответил я.

Не успели мы осмотреться, нас расхлупали форточки, и в нас залупил молодой человек со светлыми волосами, подстриженными ежиком. Он улыбнулся, и его открытое лицо стало еще приветливее.

— Ткнуду, товарищи! — мажким голосом спросил он.

— Из Орехово-Зуева.

— А-а, знаю! Тут много ваших. В чем гудеваете?

— А вы кто будате? — осторожно спросил я.

— Я тут за старую. У вас, наверно, ничего нет. Сейчас пришло табуку и сахару, а хлеб будете получать казенный.

— Книжечку бы дали почитать, а то скучно здесь, — попросил Вася.

— Это можно. Библиотека у нас хорошая. Скупать не будете.

Так состоялось мое знакомство с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Это был тот самый знаменитый Арсенин, из-за которого ивановские и шуйские рабочие чуть тюрьму не разделили. Он уже около двух лет сидел во Владимирском центре под следствием.

Вскоре нас выпустили на прогулку. К моему удивлению, подследственные и каторжники гуляли вместе. Можно было свободно разговаривать, смеяться, шутить. Играли в чехарду, в городки. Прогулка продолжалась часа два, вплоть до обеда.

Оправривно говоря, меня поразили эти вольности.

— Давно существуют тут такие порядки! — спросил однажды я Михаила Васильевича.

Он засмеялся.

— Здесь еще в силе зовования того года. Мы пока крепко за них держимся, и от нас с вами будет зависеть, продлит ли укоротить здесь эти вольности.

Фрунзе рассказывал мне следующую историю. До 1905 года здесь, как и во всех каторжных центрах, были жуткие условия. Особенно невыносимыми они были в Московском и Ореховском тюрьмах, меньшим образом был некто Парфенов — истинный палач. Он лично избивал политических, придумывая изощренные наказания. Его званства усилились, когда Булырский тюрьма превратилась в каторжный центр. Терпение узников кончилось. Быстро решено убить Парфенова. Но покушение не удалось, начальник тюрьмы остался жив.

Этот инцидент привлек, однако, глубокие впечатления даже не такого зверя, как Парфенов, — он испугался и попросил перевести его в другое место. Так попал он во Владимирский каторжный центр.

Парфенова прислали сюда, чтобы «навести порядок». На него возлагались большие надежды, но он их не оправдал. После покушения Парфенов совершенно изменился.

Приняв Владимирский центр, он вызвал к себе Михаила Васильевича Фрунзе, сидевшего в тюрьме вместе с десятками ивановских пачей, и сказал:

— Я знаю, вы слышали обо мне, как о звере. Меня прислали сюда для наведения «порядка». Но вы скоро увидите: я еще не потерял человеческих чувств и разума. Постарайтесь установить такой порядок, который, надеюсь, даст мне покой.

Как и в старое, Парфенов сдержал свое слово. Но о вольностях «орке» узнало высшее начальство. Парфенова убрали и прислали сиврого палача Гудима.

Запоминлась такая картина: Гудима в сопровождении шести помощников негнодно, это было время прогулки каторжан.

— Смирно! Шаги долгой! — послышалась зычная команда.

Мы громко расхлупались и продолжали заныкать своим делом.

— Вызвать солдат! — приказал Гудима. Когда солдаты появились во дворе, он дал команду:

— Ружья на прищел! Защелки затворы винтовок. Мы бросились в разные стороны, попятился за стены корпуса. На опустевшей площадке перед солдатами остался один Арсенин. Выставив боковую ногу вперед, он прайво глядел на торчащих.

Его поза выражала готовность принять смерть, но не отступит ни на шаг назад.

— Кто это? — удивленно спросил Гудима.

— Фрунзе! — ответил один из помощников начальника тюрьмы.

— Вот оно что! Являю Слышал — со злорадством сказал Гудима. — Не надо стрелять. Мы этого героя и так повесим.

И ушел со двора, сопровождаемый свитой.

«УНИВЕРСИТЕТ» НА КОРАБЕ

Во Владимирском центре находилось около тысячи каторжан. В «польском корпусе», где Фрунзе был «старостой политических», заключенных мы прайво корочку школьного политического воспитания. Газетный рабочий Павлишак Самолазов, сельский учитель Сорочкин, городской учитель и студенты, отбывавшие каторгу в центре, добросовестно занимались с нами разными науками. Душой и организатором всей воспитательной работы был Михаил Васильевич Фрунзе.

На прогулках и в камерах, где только можно было, нам читали лекции. Конечно, это были не именные лекции, как у Гейке, указкой и диапозитивами, но по существу, по содержанию это действительно были настоящие лекции. Особенно много их читал сам Фрунзе. Я хорошо запомнил, например, его лекции по социализму. Большое внимание уделялось и аграрной программе нашей партии; но интересовались крестьяне, повывшие на каторгу после бунтов в 1905—1906 годах.

Жизнь знаний у рабочих была огромная. Хотелось знать все: что на земле, что под землей, что на небе, что делается в других странах, как живут там рабочие и крестьяне! Мы хватались то за одну, то за другую книгу, то за несколько сразу. Со всеми интересными вопросами обращались в первую очередь к Арсенину.

Иногда дело доходило до нурьных случаев.

Вася Цыганов, сидевший со мной в одной камере, как-то попросил Арсенина написать ему лекцию по истории. Со всеми интересными вопросами обращались в первую очередь к Арсенину.

— Зачем вам! — с удивлением спросил Фрунзе.

— Хочу уметь читать иужны на всех языках.

— Желание хорошее. Но как вы это сделаете!

Оказалось: Вася предполагал, что достаточно выучить алфавит того или иного языка, и можно будет читать все языки. Откровенно говоря, я тогда все сам так думал.

Работая тачком в Орехове, Вася посещал вечернюю школу для взрослых и считался довольно грамотным парнем. Во всяком случае, писал он грамотнее, чем, к сожалению, не мог похвастать я.

Однажды мы с ним горячо поспорили. Я написал по какому-то поводу заявление начальнику тюрьмы, в котором употребил слово «сделать». Перед тем, как отдать заявление по назначению, я показал его Васе.

— Заявление написано с ошибкой! — заметил Цыганов.

— Не может быть! — не поверил я.

— Надо писать «сделать», а не «делать», как у тебя.

— Брось голову морочить! — уверенно ответил я. — Ведь слышишь «з», и не «с».

В споре я убедился, что он прав, но все же упрямо продолжал настаивать на своем. Пришлось взять в библиотеке грамматику русского языка и убедиться в своей ошибке. Об этом я Васе не сказал, но замешивание пера неслось. С тех пор я усердно занялся грамматикой.

Учиться приходилось даже в камере, где и «лекторы» и «слушатели» сидели в кандалах.

В камере я попал так. Однажды на пороге камеры появился надзиратель.

— Эй, новенький! Как тебя там, Козлов, что ли? В камере!

— За что? — удивился я.

— Стоя у окна.

— Я не был у окна.

— Не был, так будешь. Все едино.

— Я не двигался. Надзиратель зорал:

— Выходи, говорят тебе! Хочешь вместо одной два недели отсидеть?

Камере предстал собой небольшое подвальное помещение с низкими каменными полами. Несмотря на весенний месяц, стоял жуткий холод: помещение не отапливалось. С ослепших стен на асфальтированный, липкий от грязи пол кафельных ступал вода, обрисуя лужицы.

В наш «склеп» не проникал дневной свет, не было и вентиляции. Чтобы не задохнуться, товарищи прижимались к задней стенке, а у самой двери три человека отступали на колени и, положив голову на пол, дышали свежим воздухом у дверной щели. Так по очереди мы «подкреплялись кислородом».

Но и здесь учеба продолжалась. Правда, «занятия» шли без всякой системы. Беседами возникали стихийно, по всякому поводу. Както в пылу спора кто-то простонал:

— Братцы, лустите к двери! Задыхаемся!

В темноте послышался звук падающего тела. Упавшего без сознания товарища подожгли к двери и положили лицом к щели. Когда он пришел в себя, кто-то начал объяснять, почему человек теряет сознание. «Лектор» с увлечением рассказывал об устройстве человеческого организма. Другой рассказывал об эволюции человека, а потом перешел к зарождению жизни на земле.

Последняя тема меня завлекла. Об учении Дарвина я кое-что слышал и раньше, но в общем-то мои познания кончались тем, что нашими предками являлись животные, близкие к обезьянам. Между тем «лектор» говорил о более сложных вещах. Я так заслушался, что позабыл о своей очереди дышать под дверью: очень было интересно.

«Перерыва» между «уроками» не было. Которые в камере начал заниматься немецким языком. Викентий Самойлович Мишкевич (один из виднейших литовских революционеров), которого тоже упрятали в камеру, не выдержав безобразного произношения и стал выположив поправлять. Незаметно он улепел и уже в полный голос объяснял грамматические правила.

Незаметно и я втянулся в урок, начал спрашивать, что непонятно. С этого момента я почти не отходил от Викентия Самойловича, засыпал его вопросами: как правильно звучит то или иное слово, как составить фразу, как выразить такую-то мысль? Моя находчивость, видимо, нравилась Мишкевичу. Он отвечал охотно, пространно, приводил примеры. Эти уроки впоследствии очень мне пригодились.

На четвертый или пятый день пребывания в камере я почувствовал себя очень плохо — дышать было трудно, одолевала сонливость, в висках стучало. Вдруг сквозит дрему слышу: — «Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах! Чутько ли узо горит ад всякой вашей жинке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружили и разом капляри медные груди и, почти не тронув копытами землю, превратились в один вытнутые линии, полные по воздуху, и мисеи все адрозовенна боготи». Руск, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа...»

Я с удивлением прислушался. Мне казалось, что я грюжу наву. Встряхнувшись, запелотом спросил Мишкевича:

— Декламирует, что ли?

— Нет, диктует.

— То есть... как диктует? Кому?

— Послушайте.

Я с любопытством стал прислушиваться к этому необычному диктанту. «Ученики» и «учитель» сидели вплотную, даже не сидели, а стояли рядом и не видели друг друга. Один диктовал, а другой «записывал» в уме.

— Усвоили или еще раз прочтете?

— Хаааааа. Усвоил. Пять раз повторили.

— Ну, а теперь скажите, как вы написали первую фразу?

— После каждого слова в начале фразы три запятых, а в конце восклицательный знак.

— Почему?

— Вы так предпринимали, что явно слышится восклицание.

— Так. А запятые?

«Ученики», занявшись, дад правильный ответ. Так, шаг за шагом, они разбирали «диктант». К нему уже прислушались не один я. Некоторые старались подсказать «ученику». Урок стал коллективным.

Учеба скрывалась, одухотворяла тюремную жизнь, давала нравственные силы. Сидя по несколько лет в тюрьмах и на каторге, мы продолжили цели «университетов». За толстыми тюремными стенами нас не помешала мысль о том, что придется еще поребать для революции. Мы верили в грядущие бои и готовились к ним. Каждому из нас было ясно, что бои эти будут более жестокими, чем в пятую году. Каждый из нас готовился к будущей партийной работе, предьявлял к себе большие требования.

ПЕРВЫЙ БЛИН КОМОМ

Кроме учебников, в тюремной библиотеке была и художественная литература. Книги я очень любил и много читал, жадно проглатывал

ее из. Но мне снова пришла мысль описать события 1905 года в Коломне. Она так завладела мною, что не давала покоя ни днем, ни ночью. Отказаться от этой мысли было выше моих сил. Но посоветоваться с кем-либо я стеснялся. Несколько раз я поворачивал рассказывать об этом Фрунзе, но все как-то не хватало духу. Одандки я все-таки решился.

— Михаил Васильевич... Я... я посоветоваться с вами хочу.

— Ну, ну... Что стесняешься? Выглядывай, что у тебя! — весело подбодрил меня Фрунзе.

— Я долго мялся и вдруг выпалил: — Повесть о пятом годе хочу написать. Как у Горького...

— Как и испугался. Но Михаил Васильевич внимательно посмотрел на меня и совершенно серьезно спросил:

— А справишься?

— А что ж тут такое? — осмелев я. — Написал же Горький «Мать»! А там все описано так, как было у нас в Коломне.

И я рассказал ему о том, что происходило в Коломне в пятом году, — о заводе, о своих товарищах, о матери. Рассказал, как мы слушали Горького в Суэцкой тюрьме и как зародился у меня этот замысел. Михаил Васильевич слушал, не перебивая, как он умел слышать нас, простых людей, и в его добрых серых глазах загорелась веселая огонька.

— Это же дело хорошее, Иванец! — сказал Михаил Васильевич. — Начинай, лист!

И я засел за повесть. Потен над ней недели две или три, но из моей писанины ничего не получилось. Но Михаил Васильевич на эту тему со мной не заговаривал, а самому было стыдно сознавать, что ничего не выходит и что я только попусту бахвалюсь.

Изучился я вконец, а дело не двигалось.

Я не мог даже связать начало повести, но говоря уже о ее продолжении. Много раз приходил в отчаяние, а браться не хотелось... Я несколько сомневался и стыдно было перед Михаилом Васильевым.

Фрунзе видел мою неловкость. Месяц спустя, когда мы остались с ним вдвоем, он как будто внезапно спросил:

— Ну, как повесть, Иванец?

— Я спускаю голову.

— Почему-то не получается, Михаил Васильевич...

— Ответ раздался взрыв веселого смеха. От стыда я готов был провалиться сквозь землю, но подняв голову, увидел бесконечно добрые глаза Фрунзе и его улыбку. Невольно и сам улыбнулся, а потом и засмеялся.

Успокоившись, Михаил Васильевич очень серьезно сказал:

— Вот что, друг, засядь-ка ты за простую граммоту...

— И в засел. Завяжи прочно и всерьез.

«ЧЕЛОВЕК С ПЕЛЕНА НА ШЕЕ»

В эпическом корпусе я просидел вместе с Арсением несколько месяцев. В то время мы как-то и не думали об опасности, которая грозила Фрунзе. Между тем над его головой сгустилась туча. Михаил Васильевич обменялся прежде всего как руководитель Иваново-Вознесенской большевистской организации. За это его могли сослать на каторжные работы. А за покушение на трагедию Перлова должным было приговорить к смертной казни через повешение. Висельница стояла недалеко от центра. Глядя на Арсения, мы поразились его бодрости и жизнестойкости: человек с пелена на шее, как его тогда называли, казался, совершенно не думал о грозящей ему опасности.

Во всю жизнь запоминался мне страшная ночь, когда Фрунзе вернулся после суда в камеру одиночного камеру. Она была как раз напротив нашей. Михаил Васильевич вошел в камеру в сопровождении старшего надзирателя и четырех младших.

Из камеры раздался голос:

— Ну, как, Арсений?

Фрунзе не ответил. Надзиратели начали топотить: «Скорей! Скорей!»

Молчание нас пугало.

Но вот Фрунзе вышел из камеры с ведами и криком:

— Прощайте, товарищи! Переодат к смертнику...

Грохот закрывшейся за ним двери оборвал конец фразы. Первые минуты каждой из нас качивала себя оглушающим. Смертная казнь за что?

И я удар, словно по команде, все закричали:

— Салочник! Пазанич!

— Проступились! Объявим голодовку...

В двери повалил тебуретик парочкой... Всю ночь волевались тюрьмы. Наутро было объявлено массовая голодовка...

Против нас началась репрессия: избивали, бросали в коридор, пороки... Но и эти меры не помогли. Тогда нас развели по разным тюрьмам. Вместе с несколькими товарищами я попал в губернскую пересыльную тюрьму. Позже мы узнали некоторые подробности о судьбе Фрунзе.

На суде Михаил Васильевич держал себя удивительно хладнокровно. Он заявил, что действительно является руководителем Ивановской организации большевиков, и отряпнул принцип, что организация рабочих не борется с царским правительством, с монархией, выступая на собраниях, участвуя в подготовке вооруженного восстания. В заключение Михаил Васильевич заявил:

— Я убежден, что наша партия идет по верному пути. Революция победит! Победит она только в нас! Стоало...

Приговор о смертной казни выслушал спокойно. Ни один мускул не дрогнул в его лице. Рассказывая, что давно предсказывал, судья, взглянув на него, только удивленно пожал плечами и пробормотал:

— Что за человек!

Суд вынес явно незаконное решение, и записка подавая кассацию. Но и кассация с апелляционной жалобой, Фрунзе сидел в камере смертников и усильно занимался... изучением английского и итальянского языков. Каждые

два—три дня на рассвете в коридоре смертников гремели замки и когда-то входили на виселицы.

Приговор отменили, дело было направлено на допросение и новое разбирательство, которое тянулось два года. Суд снова вынес смертный приговор. Но за жизнь Фрунзе большевистской организации, товарищи на воле, родственники. Общественное мнение, прогрессивные люди были также на стороне Арсения. В результате смертная казнь была заменена шестью годами каторги.

АРСЕНИЙ ЖИВИ!

В начале 1911 года меня судили. Я был приговорен к четырем годам каторги и снова водворен во Владимирский каторжный централ. Но уже здесь в первую радостные минуты, узнав, что Фрунзе жив.

С Михаилом Васильевым мне удалось увидеть только через месяц: ему так же, как и мне, разрешили работать в столярной мастерской. Длительное пребывание в заключении подорвало здоровье Фрунзе. Лицо его стало прозрачным, появились подозрительный румянец—все признаки туберкулеза. Но он остался таким же борным, деятельным, каким и до этого был в последние годы жизни.

Я бросился к нему, мы расцеловались. Началась бесаязны, торопливый разговор, как всегда у друзей после долгой разлуки. Я рассказывал о нашем процессе, о том, как держали товарищей на суде: никто не рассеквался, никто не просил пощады.

— Замечательные люди!—с восхищением сказал Фрунзе.—Иванович тоже не испугался. Показали выдержку и твердость. Дерзавшего очень хороше...

Он пристально посмотрел на меня и спросил:

— Как жили в тюрьме? Здоровье у тебя, вижу, поборили очень серьезно, а занимались много.

— Что много занимался, по тебе видно. Учить нельзя, как вырос. Теперь, думаю, и о пятом классе писать сможем...

— Как там!—спустился я.— Слабосо всем...

— Ну, нет, шалаш, Иванец, не выйдет! Этих от меня не отпустишь... Давай теперь ты учи меня своему ремеслу.

Васильев сказал, что с удовольствием попиноком по столярному делу. И надо сказать, толковый, энергичный был подмастерье. У него все горело в руках. Своим нестоящим жизнелюбием он зажигал всех, кто был рядом с ним.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

В третий раз я встретился с Михаилом Васильевым Фрунзе в апреле 1920 года в Харьков, после освобождения города от денкиков.

В городском театре шел митинг, на котором Михаил Васильевич выступал с докладом о текущем моменте. Он командовал Юным фронтом, был уже прославленным советским политиком.

Мне очень хотелось подойти к нему. Во время перерыва его окружили плотным кольцом, и не было никакой возможности приблизиться к нему. Я стоял и наблюдал издалека.

Вдруг я заметил, что Михаил Васильевич приподнимается на носки и ищет кого-то глазами. Меня слабо подтолкнул кто-то, и я устремился к нему.

— Иванец!—крикнул Фрунзе.— Где ты был, Иванец! Все рассказывай, только ты как сквазь земло провалился!—И начал ласково журить меня за то, что я всегда прыгнул в утолще.

— Я никак не мог оттолкнуться... смущенно оправдывался я.

Михаил Васильевич добродушно смеялся.

— А жисти на тебе... Ну, да ладно, обнимайся по старой дружбе...

Фрунзе жадно, с интересом начал рассказывать о своем подполье (во время денкищины я был секретарем Харьковского подпольного губкома партии), о трудности, о мойей жизни, об учебе... Вдруг в глазах Михаила Васильевича появились знакомые веселые искорки.

— А как с повестью?—спросил он.— Написал уже?

— Нет, Михаил Васильевич, не написал... Я тоже смотрел на него повеселавшими глазами... Временем не хватало: помогал вам в подполье.

— Что и говорит, помощь немалая. Да и время горячее. А повесть обязательно написать! — Видите ли, я тут пяду начал писать! Не закончил, но начал...

Говорить здесь о своих литературных делах было как-то неудобно. Но Фрунзе оживился и стал подробно расспрашивать о замысле, о том, что уже сделано.

— Ну, пишете, Иванец, посмотрю твою пяду... А о повести не забывай, обязательно напиши. Непременно напиши, слышишь? У тебя хороший «университет».

— Буду писать, Михаил Васильевич!

На этом мы разошлись. Но повесть Фрунзе так и не прочитал. Ее печатали в издательстве «Московский рабочий» только в 1926 году, когда Арсения уже не было в живых. Не знал Фрунзе и того, что в пяде «Темна» в образе главного героя — поплочны черты мужественного революционера, моего друга и учителя Арсения.

НА ЭКЗАМЕНЕ У АРСЕНЬЕВА

Осенью 1923 года я подал заявление в Высший литературно-художественный институт с просьбой принять меня на учебу. Ректором в то время был Валерий Яковлевич Брюсов.

Ректор лично ознакомился с моей анкетой. Как иако потресканным, окружая его и ругаясь. В графе «Образование» стояло: «Окончил церковно-приходскую школу в 1899 году».

Брюсов попросил, чтобы меня пригласили к нему на беседу. Я был удивлен, что вызывают на экзаменационную комиссию, а прямо к ректору. Это обстоятельство, признаться, очень мне встроило. Но принял ректор корректно, пожелав дружбы и мягким жестом пригласил:

— Подходите, пожалуйста, завтра к восьми часам анкету. Наше время устраивает, что вы рабочий, старый большевик, бывший политкадровик. Все это очень хорошо. Но... видите ли... Валерий Яковлевич замкнут. Надо сказать, что он не любит говорить деликатно о должностях. Я не знаю, как вы с образованном.

— Плохо, Валерий Яковлевич, окончил я всего лишь три класса сельской школы.

— Как же вы учились будете! Не трудно ли будете!

Я тонко подумал: действительно, как у меня хватало силости, не имея среднего образования, подавать заявление в такой вуз! Некоторое время я не знал, что ответить Брюсову. После минутного молчания не совсем уверенно сказал:

— Я, Валерий Яковлевич, немного на каторге занимался... Конечно, я понимаю... Мне хочется учиться... А так, конечно, трудно...

Подумав, Брюсов с деликатно стал экзаменовать меня. Я отличню понял, что это не простой разговор, а экзамен. И я в это время хотелос держать себя так, чтобы Валерий Яковлевич не почувствовал, что я не знаю, а только пытаюсь доказать, а ничего не замечал. Всегда как беседа. Мне, как ни странно, такая непринужденная форма экзамена даже понравилась.

Наша беседа продолжалась часе три. Наконец Брюсов сказал, что пора кончать. В конце концов: — Вот и отлично, Иван Андреевич, очень рад за вас. Вы знаете гораздо больше, чем наши студенты, не говоря уже о том, что поступающих к нам. Ваш университет будет превращаться в высшее с высшим уровнем без всякого экзамена.

В тот же день я был зачислен студентом. Мой владимирский университет блестяще выдержал трудный экзамен на четкость зрения, а вместе с ним выдержали его и мои торопные «председатели» и «профессора».

Этот университет оказался на всей мойей жизни. На каторге я не только усвоил, что в слове «сидеть» надо писать «сы», а не «зе». Многие предметы я держал действительно глубоко, даже говорил по-менееи довольно бегло, что пригодило мне в эмиграции, во многих моих подпольных делах, в гражданскую и Отечественную войну. Позевен он был и при члене в Парисе и Энгельсе. Я их читал в подлиннике.

Такова история моего университета...

Герою Социалистического Труда комсомолка Зулейхе Наркуловой девятнадцать лет. В прошлом году знаменная колхозница артели имени Ахунбаева, Самаркандской области, собрала 27 тонн хлопка.

фото Г. Дубинского.

Л. Чербаков. В новую жизнь.

Бессоновая Художественная выставка 1937 года.

Борис РАХМАНИН

ЕСЛИ ВЗДУМАЮТ...

На киносеанс пришли мы рано.
Сели на траву, забыли усталость.
Словно парус, полотно экрана
Над поляной туманной расстилалось.
И глядят со светлого квадрата
Сильные от дарового корня
Западногерманские солдаты
В новенькой американской форме.
Буксы на подоях с черным ганцем...
Вот танками топчут ледь десанты.
Перед бравами строем ходит канцлер,
Смахивающий на официанта.
Он острит, по губчаткам новым
Весело постукивая тростью...
— Гадьи! — крикнул кто-то... — Гадьи!
Снова,
Снова потянуло вас «нах Остен»!

РУБАШКА, СТРАННАЯ ЛИЧНО

Я сам всегда себе стираю
В стиральной тазу горячем.
В дерьво поступаю — растеряюсь,
Но руки мокрые не спрячу.
Я сам всегда себе стираю,
Когда уснут соседи ночью.
Особенно тереть стараюсь
Воротнички сорочек.
Стирать в тазу без всякой соды
Довольно чисто я умею.
Прополосую, выжму воду
И выкушу на батарее.

Виталий КАЧАЕВ

ЗЕМЛЯКИ

Мне в горах знакомы козы тропы,
Что ушли от Пандица в облака,
Где чабан отару не торопит,
Где границы пропела река.
Так на стороне лобова пропасть
И напружена ночная тишь.
Для гостей незваных слово ипронусит
Шепчет на ветру густой камыш.
По тропинкам, что в горах змеятся
От дорог ковыльных аякане,
Я прошел с рюкзаком рудознатца,
С молотком геолога в руке.
Пограничник молодой бесносно
За скалой от бед меня стеррег.
И по строгим военным законам
Он при встрече брал под козырек.
В документах, слоено в сердце, рылся,

Для образцового солдата
И стирка — часть большого долга.
Стирал и форму я когда-то...
Карманы сохли очень долго.
И в гимнастерке чистой, свежей
Я статным выглядел и ладным.
Застало мне было в той одежде
Удобно и прохладно.
И повторять я то и дело
Завыл в распе и стелечный.
О том, что много блинче к телу
Рубашка, странная личню.

Спрашивал: откуда и куда!
Если невзначай не заблудился,
То зачем поповалов сюда!
Недоверчиво глаза глядела
На мою панаму и очок.
А потом как будто потептели —
Оказалось, мы с ним земляки.
И с джопоса как-то незаметно
Мы перевели свой разговор
На Сибирь родную, край заветный,
На ее заманчивый простор.
Пограничник руку на прощанье
По-заячьи крепко стиснул мне
И сказал: — До скорого свиданья
На родной целинной стороне.

Г. Тышнент.

нуть высоту. На холмах, подковой охватывавших позицию советских воинов, они установили пулеметы, минометы, пушки. Шкавальным огнем враг пытался сбить смельчаков. Атака следовала за атакой.

Отряд нес тяжелые потери. Смертельно раненого Ахметаллина заменил волжанин-комсомолец Петр Сироежкин. Не хватало боеприпасов, и все же смельчаки не отступили ни на шаг.

Свидетельями этого боя, в котором советские воины показали бесстрашие, стойкость и отвагу, были жители деревни Суулуяла — колхозники сельхозартели «Слава» Пимен Рудзин, Юния Рубуль, Алексей Буль, Петр Прикулов. Они прислали мне письмо в земкомхоз.

На глазах у Петра Прикулова погиб смертью храбрых Михаил Шукраков, рабочий из Витебска.

— Он залег недалеко от моего дома, — вспоминает Прикулов. — Его окружили четыре немца, да так метрными на землю и легли. Видел я, как этот боец, раненный в ноги, сидел на земле, опершись спиной о дерево, чтобы не упасть, и продолжал стрелять из автомата. Так до самой смерти они оружием и не выпустили.

Саловод Пимен Рудзин был свидетелем героической гибели славного пулеметчика Чутака Уразава. Раненный, он устроился на чердаке сарая и вел оттуда огонь по наступающим немцам. Гитлеровцы окружили и подожгли сарай. Они кричали: «Выходи, жив будешь!» Уразов отвечал пулеметными очередями. Он предпочел последнюю смерть в огне.

На рассвете следующего дня умер раненный в грудь чуваш Матвей Чернов. Его земляк Федор Ашмаров пошел в деревню, чтобы принести товарищу воды, а когда вернулся, Чернов уже ничего не было видно.

Из всей группы остались только четыре бойца. Два из них — Ашмаров и Андронов — еще могли стрелять. Тяжело раненный комсорг взвода Тукубай Тайгарев держал наготове последнюю гранату. Петр Сироежкин неподвижно лежал в окопчике: у него была переломана нога. Но выстоял и переждал до врага оставалась неприступной.

Во время короткой передышки Ашмаров услышал отзвуки канонады и, не веря себе, крикнул:

— Товарищи, наши подходят! «Катюши» бьют!

Фашисты услышали нажим. Они спешили сбросить с высоты горстку смельчаков, чтобы сблизить не оказаться в ловушке. После минометного и оружейного обстрела предостерегающий бросок, указав ошесточение прежних. Отбивая атаку врага, пла, сражавшийся автоматной очередью, Сироежкин; осколком мины был убит Федор Ашмаров; Тайгарев успел бросить в немцев последнюю гранату, но и этот миг сто ему выстоял разрывная пуля. Много раз раненный Василий Андронов оказался один лицом к лицу с наследившим врагом. Он прибежал к старому, испытанному маневру: велел огонь то с одной, то с другой стороны, Андронов создавал впечатление, что защитников высоты еще много...

И вдруг все смолкло. Это было так неожиданно, что Андронов даже подумал, что оглох. Ведь ведь ружье погляд он слышал только грохот разрывов. Загнанным взглядом окинул воин ступенчатую дорогу. По ней стремительно продвигались солдаты в родной форме.

Опираясь на пулемет, Андронов с трудом поднялся, то сделал шаг назад, ступив своим и, потеряв сознание, замертво рухнул на землю. На маленьком клочке латвийской земли боезапасно сражались представители восьми советских народов: русские: Василий Андронов и Михаил Шукраков, узбеки Петр Сироежкин, киргиз Тукубай Тайгарев, узбек Урун Абдулаев, талдык Чутак Уразов, татарин Алексей Шукров, чуваш Федор Ашмаров и Матвей Чернов, башкир Халим Ахметаллин. На воспоминаниях земляки этой аваль клялись побратимом: «скрепленная кровью; «Стойте, настырты!»

Время старает могильные холмы, но оно никогда не изгладит из памяти народа подвиги десяти героев Советской Армии, сержантов и их Родины.

г. Рига.

Д. ТИМОФЕЕВ

КОСТЯ- «ВОДОПРОВОДЧИК»

Рассказ

Он работал дежурным слесарем на конвейерных печках. Примечательного в его внешности как будто ничего не было. Разве только промасленный черный берет на голове да синий шрам, нахлоск перекрещивавший лоб и часть левой щеки. А так обыкновенный парнишка: невысокий, худощавый, с черными глазами.

В цехе его недолюбливали за острый язык. Он высмеивал всех и вся. И только одного человека не трогал. Никто не слышал, чтобы Костя сзывал когда-нибудь по адресу Бориса Ивановича — мохнатца цеха. Грубовато-насмешливый с окружающими, он молча выполнял все его распоряжения. К себе Костя не распространялся. Знал только, что в войну он потерял родителей и был воспитанником какой-то воинской части, кажется, на флоте. В цехе, загроможденном неуклюжими коробками суши и конвейерных печей, с различной, шумной массой людей, он появился одновременно с механизмом около года назад.

...Первый раз Костя обратил внимание на Нину вскоре после ее возвращения из отпуска. Он слышал поднимавшие на верхней площадке стукалы. Шум явно заставил его прервать работу и посмотреть, что там происходит. Перегнулся через перила и увидел белокурую девочку в синей кофточке, с листом бумаги и карандашом в руках. Она стояла возле штабеля посуды и что-то возмущенно кричала. Костя видимо улыбнулся, хотел сказать что-нибудь колкое, но будто поперхнулся и только присаживая: на замазанных кистях, подготовленных к обжигу, темнела ладья масла.

— А ну сейчас же слезай! — потребовала девушка.

Когда он, вытирая руки автошубой, подошел к столу, Нина с сердитым видом записывала что-то в журнал. Рядом стоял Василий, напарник Кости, и заглядывал через ее плечо.

— А знаешь, вы девочка ничего! — сказал Костя, насмешливо оглядывая ее.

— Да! Спасибо! К сожалению, этого нельзя сказать о вас.

Напарник фанзону:

— Что, досталось?

Костя, не слушаясь, ответил:

— Ну и язык! Вашему будущему супругу не придется ходить в парикмахерскую. Без бритвы брешет!

— К счастью, не вам быть моим мужем! Она встала и пошла считать посуду на конвейере. Костя покаялся головой и только повторил:

— Бритва!

С тех пор он частенько стал подходить к столу учтицы. Садился на маленький деревянный стулчик, в котором учтицы хранили свое хозяйство, и перебарывался с Ниной колкими словами.

На комсомольских собраниях Костя подсаживался к Нине и острял по любому поводу. Она и сердилась и смеялась. Особенно хохотался он в остротах по адресу Грини — нормировщица цеха. Плотный светловолосый Гриша выступал на каждом собрании и говорил долго и красиво. В такие минуты Нина вся подавалась вперед, на ее лице появлялось какое-то необычное выражение, что-то теплое и заворающее светилось в глубине глаз. Костя искоса поглядывал на Нину и скептически улыбался, а если пытался что-нибудь сказать в этот момент, она устремляла на него такой выразительный взгляд, что Костя сразу замолкал.

Нина старалась уходить из цеха в то же время, что и Гриша: им было почти по пути. Иногда же проважал и Костя. Когда это случалось, они прогуливались по липовой аллее, остряли,

завиди и неизменно начинали спориться. Нина дала себе слово не разговаривать больше с этим колким парнем, но утром забывала о своем обещании, и колочий разговор продолжался в цехе.

Однажды во время такой словесной схватки к ним подошел Гриша. Поворотливой хваткой на плечо Косто по плечу, сказал:

— Ну, как жизнь молодая? Костя пошел плечом, сбрасывая Гриншу руку:

— Спасибо.

— Все в порядке сегодня? Как конвейер? Не заедает?

— Не заедает, — сверляюще ответил Костя. — Ну, давай, давай, Грудис. В этом месяце надо поднажать: квартальная премия ведь не за горами!

— Поднажмем! Дадим! — передразнил Костя уже отошедшего Гриншу.

Нина возмущилась:

— Какой вы злой человек, Костя! Что от вам плохого сделал?

Разминная папиросу, Костя отрезал:

— Не люблю болтунов!

Нина победилась. А Костя вытаскил спички и стал на спеша закуривать.

— Ведь болтун же! Работы никакой. Только грин. Поставь на собрании вопрос о китинской грамматике — он и здесь, наверное, слова попросит. Переливает из пустого в порожнее.

Что-то смолло Нина горло, она задумалась, а потом почти крикнула:

— Не смейте так! Слышите! Сами вы болтун! Сами переливаете из пустого в порожнее! И, несколько успокоившись, добила презрительно:

— Водопроточник!

Так и прилипло к Косте это словечко — водопроточник. Отношения с Ниной испортились вконец. Он не подходил больше к ее столу.

Прошло с полмесяца. Как-то Костя не появился на работе. И как раз в это время случилась неприятность: в первой конвейерной печи вывалилось несколько плит из станин мурфеля. На светло-вишневом фоне раскаленной стены металлись желтые языки, поглаживая проходящие люльки с посудой. Из печи посуда выходила грязно-серого цвета, загазованная. Механик цеха только головой покачал, когда увидел:

— Придется останавливать печь.

— Ты с ума сошел! — всполохился начальник цеха. — Конiec месяца! Программу задали, милья!

Борис Иванович настаивал на своем:

— Печь нужно капитально ремонтировать. Она работает сверх положенного.

В конце концов порешили как-нибудь дотянуть до первого числа. Борис Иванович нехотя уступил: согласился на горячий ремонт.

В субботу, когда Костя появился в цехе,

Рисунг В. Игнатьева.

бригада слесарей уже готовилась к горячему ремонту. Борис Иванович возился с валтниками и валенками, подсыкая во своему росту.

Костя сразу догадался, что механик собирается лезть в печь. Он выхватил из его рук валтик, и тут от удивления все даже рты раскрыв: между механиком и слесарем выдалась грубая перебранка. Такого еще не бывало...

В полдень в цехе собралось все начальство. Нина хорошо было видно со своего места, что делается у печи. Слесари пролили комбайр-олима с него люльки. Ваский притащил ведро с молоком. Борис Иванович подошел к смотровому окну. Откуда-то из-за печи вывернулся Костя. Он был в валенках, талогарейке и валтих Брюках. Став у окна, о чем-то заговорил с механиком. Нина видела, как Борис Иванович намурился и рукой отстранил от себя Костю.

— Да, плакала наша премия! — раздался гром голоса.

Нина вздрогнула от неожиданности. Не столько облокотился Грища. Он кинула в сторону печи:

— Смотришь? Вряд ли что выйдет. В печи сумасшедшая жарница.

Но ведь туда вентилятор гонит холодный воздух!

— Что там вентилятор! Это все равно, что мертвому припарки. Температура стенок около духовок градусо!

И он пошел к печи, повторяя на ходу:

— Пропала премия.

Нине почему-то вдруг стало не по себе. Между тем у печи происходило непонятное: Костя продолжал что-то горячо доказывать Борису Ивановичу, а тот только отмахивался. Но вот он протянул электрическую лампу с длинным шнуром, Костя засмеялся и наклонив шапку, Нина поняла: парень собирается лезть в печь — и усмеянулась: «Это оно, «водородничья»! Она приподнялась со скамьи и стала наблюдать, как Костя медленно, неуклюже забирается в печь, словно пятаявшись в берлогу медвежонку. Когда он совсем скрылся, с ее лица исчезла ироническая улыбка.

— Двести градусов! — проговорила с тревогой Нина. Почему она вдруг забеспокоилась? Самой было непонятно...

Время тянулось страшно медленно. Сколько это продолжалось — десять, двадцать минут или час? Наконец из печи показались голова Кости, ребята подхватили его под мышки. Он сидел на полу и, как рыба, вытасненная из воды, жадно поил ртом воздух. По багровому лицу стекали ручейки пота. Шрам на лице стал флюидом. Ему дали молока. Он одним рывком опрокинул кружку. По его подбородку потекли белые струйки, спадая на тяжело ходивший кадык. Борис Иванович подошел к отверстию печи, но Костя встал и загородил собой отверстие. И Нина увидела, как он снова полез в черный провал...

Ее позвали. Когда она вернулась к своему столу, ремонт печи уже закончили. Люди разошлись. Нина искала глазами Костю — ей так хотелось увидеть его смеющуюся, что-нибудь хорошее, но вспомнилась саркастическая улыбка, колочие искорки в глазах, несмешливый голос... Нет! Не стоит. Засмевет.

Работа не клеилась. Нина пыталась писать, а перед глазами стояло лицо Кости. В конце концов она не выдержала и решительно пошла к слесарю. Перед дверью остановилась, услышав приглушенный голос Кости:

— Видишь тут шрам? Это с войны. Не эсминце перед боем, полмула водогранича трубка. Я был самым подождой по комплекции и полез в горячую топку. Там потерял сознание...

— Ну и как жей? — спросил другой голос. Нина показала, что это говорил Ваский.

Костя продолжал:

— Борис Иванович был механиком у нас. Он меня вытаскил... А поругался я с ним сегодня из-за того, что ему нельзя лезть в печь: он ведь конструктор Понятий Ну, а теперь пойдем мыться. Я так проповел и вымазался, что и в самом деле похож на водородничку...

Нина покраснела и, повернувшись, быстро зашагала к своему рабочему месту, повторяя про себя:

— Любимь!.. Ведь любимь колочку-«водородничку»!

г. Ростов-на-Дону.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Автору этих стихотворений комсомольцу Виктору Милову 20 лет. После окончания средней школы он работает в Прохвильской МТС машинистом, затем штурманским. Стихи Виктор пишет уже несколько лет. Печатались в местных газетах.

Роняют зvon капли клены.
Чисты до блеска тополя.
И дышит свежестю зеленой
Дождя умытая земля.

И все вокруг глущится светом...
А на душе в сто раз светлей.
И я поверил: близко где-то
Десятый вал любви моей!

ОТТЕПЕЛЬ

С утра от счастья прослезился степняк.
На крышах порывтел, обмяк снежок.
Кипелью завокрой раскраснелась теплыня,
Весенний заблудившийся денек.

Усевшись поудобнее на крыше,
Чиркают о чем-то воробьян.
И у реки в округе еле слышно
Мурчат многоголосые ручьи.

А к вечеру, опоминишься, завьюжат,
Донуту морозом ветренный восток.
И замелется, задымается стужей,
Весенний заблудившийся денек.

ТУЧА

Торопливо тучи пробагали,
Журило тенью землеко борозды.
И вдаль за лесом исчезали,
Осторожно вербм обхода.

А одна вдруг низко опустилась,
Лунная о чем-то о своем,
за манушку вербы зацепилась
и висеть осталась над лесом.

Видно, было ей в неволе тяжело.
На лотуху нашей детворе
цельный день проплакала бедняжка,
луки слез оставив на дворе.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Пропаив тучи... И ничуга
Ширь лесни к солнцу юности.
И небосвод натянуг туго,
И даль, как зеркало, ясна.

ВЕЧЕР

Клен живым огнем расцвечен,
даль светла.
А уже плетется вечер вдоль села.
Вот он горсть степных ромашек
Бросил вьсьм.
И они — какая краше! —
Все заглились.

За собою тьму, как сеть,
Тянет он.
Испугавшись, мчится вечер
С улыби вон,
Донго бродит за рекою
Среди трав,
Будто что-то дорожке
Потеряв.

КОНЕЦ ЛЕТА

Смешалась зелень с золотом,
пусты поля,
но плещет солон, молодое
заря на тополя.

С лесных полос подарком
листа в село летит.
И ветер лепит жаркому
отбой трубу...

Но из садов доносится
медовый аромат,
и в май веселый простится
плетая дежач.

Вальмильградский район,
Стальниградская область.

3 а окном ступались осенние сумерки. Стенные часы пробили девять.

Самуил Матвеевич Старосельский положил на эстажерку газету, протер запыленный оклад и придвинул стул к небольшому чертовому столу.

В прихожей послышались осторожные шаги. Кто-то нерешительно остановился у двери. Старосельский обернулся. В комнату вошел его сын Петр. Он поставил чемодан, обшитый серой парусиной, и встал перед отцом, бледный и удрученный.

— Что случилось, Петя?

— Меня не пригнали в институт. Не прошел по конкурсу...

Самуил Матвеевич был видным инженером-строителем. Его знакомства встречались с учеными, инженерами и рабочими, видел, как по воле этих людей приходили в движение сотни сложнейших механизмов, в армеев тагиле вырастали города, а на пути бурных рек вставали железобетонные плотины... И он твердо решил: будет строителем.

Окончив десятилетку, Петр подал заявление в Сталинградский институт инженеров городского хозяйства. Но... всего одного балла не хватило ему, чтобы стать студентом!

На другой день утром Петр услышал негромкие, приглушенные голоса в соседней комнате.

— Ну что тебе стоить поговорить с директором института? — азавольно говорил мать.

— Тебя знают, с тобой посчитаются.

— Нет! — сухо отвечал отец. — Я же хочу, чтобы мой сын привык к легкой жизни. Ты, видно, забыла, что я сам, прежде чем стать инженером, семь лет забивал костыли в железнодорожные шпалы.

...В середине сентября в бригаде электриков, которой руководил комсомолец Александр Буторин, появился новый ученик. Это был высокий, широкоплечий юноша. Одетый в новенькую брезентовую робу и пыжковую шапку-ушанку.

С продольной перемычки открывается вид на подвесную канатную дорогу, соединяющую оба берега реки. На переднем плане — бетонные пирамиды, приготовленные для перенятия болы.

ку, он стоял перед электриками, неловко переступая с ноги на ногу.

— Что ж, Старосельский, посмотрим, на что ты способен, — сказал бригадир. — Для начала заберись-ка, брат, на опору.

Петр недоуменно огляделся: вдали, за голубоватой утренней дымкой, виднелись многоэтажные стены новостроек, рядом зиял огромный котлован, где шло строительство водосливной плотины. От новостроек к котловану тянулась вереница деревянных столбов с проводами высокого напряжения. Какую же «опору» имел в виду Буторин?

— Все столбы, и металлические и деревянные, им, электрики, называем опорами, — улыбающийся, пояснил Буторин.

Петр не раз видел, как легко и уверенно лазают по столбам электроинженеры. Ему казалось, в этом не было ничего особенного. Он решительно надел металлические «когти» и тут затянул ремень. Но не успел добраться и до половины столба, как почувствовал острую боль в ступнях. «Когти» соскочили с дерева, и Петр, судорожно обхватив руками столб, беспомощно покатылся вниз.

— Не отчаивайся, — сказал Буторин. — Все мы не лучше тебя начинали. — Как видишь, даже такому простому делу нужно учиться.

Электрики поправились Петру. Это были молодые, сильные, смелые ребята. Днем и ночью они трудились на стройке: ставили столбы, тянули провода, подключали к линии земснаряды, шпатажили экскаваторы. За их грубоватой внешностью скрывались чуткость и трогательная забота о новом товарище. Они внимательно следили за первыми шагами новичка и охотно помогали ему советом и делом. Через полтора месяца Петр сдал экзамен на четвертый разряд, а еще через некоторое время ему доверили дежурство в аварийной бригаде.

...Ураган налетел неожиданно. Резкий, порывистый ветер сорвал с земли снег и закружил в бешеном круговороте. Стень заволокло колючей белой пылью. От могучего напора ветра падали люди.

скальзывали в кювет грузовики, в домах вылетали стекла.

Внезапно прекратилась подача тока, и работа на строительстве замерла. Остановились земснаряды, беспомощно повисли многокубовые ковши шпатажищих экскаваторов, замерли электровышки на эстакаде.

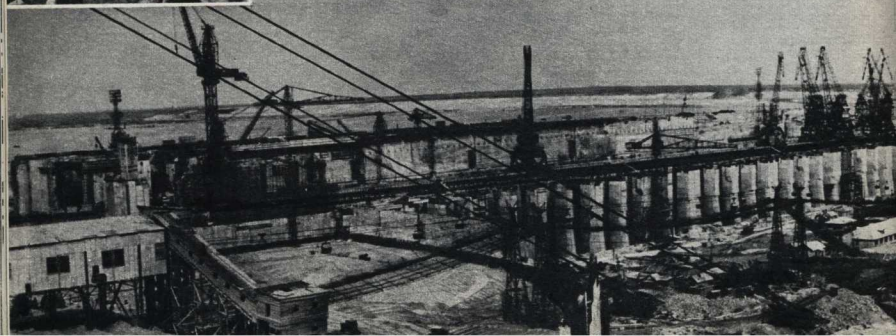
Дежурный диспетчер управления по электроснабжению вызвал по селектору аварийную бригаду.

— Обрыв высоковольтной линии в квадрате тридцать два, — сообщил он. — Немедленно выехать на место и устранить повреждение!

И через несколько минут пятеро комсомольцев-электриков — Александр Буторин, Петр Старосельский, Николай Чергаев, Михаил Иванов и Виктор Горин — пробивались на автомашине по ревущей степи.

Петр первым выпрыгнул из грузовика и увидел поваленные, опутанные проводами столбы.

— Поднимай опоры! — позвал команду Александр Буторин.

ИЗЪЕМ ЕЖКТ

бы умыться и сбросить грязную рубу, но потом оставил его, обнял и крепко расцеловал.

— Спасибо, сынок. Не поспрашивай ты меня, старика. О вашей палатке в палаточь передавали по местному радио.

А потом они сидели за столом, и отец рассказывал, как начинал трудовой путь чернорабочим на железной дороге. Петр молча слушал отца, а затем сказал:

— Знаете, что я надумал? С нового года на стройке открывается вечерний гидротехникум. Обязательно поступлю туда и буду учиться, не бросая работы.

...Шли годы. Стройка ширилась, и на том месте, где недавно тянулась пустынная буфетная палатка, раскинулся город Волжский. Над гигантским котлованом, вырытым на острове Песчаном, поднялись тридцатиметровые железобетонные башни водосливной плотины Сталинградской ГЭС.

Вместе со стройкой рос и Петр Старосельский. Он стал не только опытным электромонтером, но и вожакем молодежи — комсомольским управлением избрали его секретарем своей первичной организации. По его предложению сооружение стадиона в Волжском было объявлено комсомольской стройкой: молодежь строила стадион в свободное от основной работы часы. Вместе с другими комсомольцами Петр участвовал в воскресниках по благоустройству города, и многотиражная газета строительства не раз отмечала успехи его бригады.

Бурная общественная деятельность не мешала, а наоборот, помогала Старосельскому продолжать занятия в вечернем гидротехническом техникуме. Он чувствовал, что ему становится тесно в рамках его интересов, но все же уткой профессии. Комсомолец мечтал о многосторонней работе, стремился выйти на передний край борьбы за покориение мочуцехи реки.

В вечернем гидротехническом преподавали известные инженеры, трудившиеся на строительстве. Они часто устраивали экскурсии студентов на бетонные заводы, в котлованы, к земснарядам. Петр жадно впитывал знания, его интересовало все: и при-

Начальник плотного комсомольско-молодежного участка А. Артамонов и сменный мастер П. Старосельский.

Фото А. Маклецова

Толстая веревочная петля звездецуду верхнюю столба. Дружным рынком комсомольцы приподняли опору над землей. Но как только она встала вертикально, налетел новый порыв ветра, и опора рухнула, слеза не придала Старосельского.

Больше часа продолжалась борьба с ураганом. Петр соединил металлическими зажимами концы оборванных проводов. Чтобы удобнее было работать, сбросил рукавицы. Пальцы сразу же прихватало к металлу. Но он, казалось, не замечал этого и думал только об одном — скорее устранить повреждение.

Домой Петр вернулся на рассвете. Было воскресенье, но, несмотря на ранний час, в квартире уже не спали. Петру сразу же бросился в глаза празднично накрытый стол.

Из соседней комнаты выбежал десятилетний братишка Леонид, за ним истерично вышел отец. Петр хотел пройти в кухню, что-

Петр Старосельский с друзьями-комсомольцами — Николаем Чистваевым, Михаилом Ивановым и Александром Буториним.

дип работы вибраторов, распределяющих по отсекам жидкий бетон, и новый метод шлаковой сварки, примененный на Сталинградской ГЭС электросварником Нещадимом, и способы укрепления берегов, предохраняющие их от размыва.

В начале 1958 года Петр Старосельский защитил дипломный проект «Укрепление опор высоковольтных линий через реку Волгу».

Во второй половине дня, звонко-напевный, усталый, но счастливым, он вышел из техникума и свернул на широкий прямой, как стрела, проспект имени Ленина. Стоял февраль, но было по-весеннему тепло и тихо. Автобус доставил Старосельского к Волге. Неподалеку от берега работал бесшумный красавец-ледовол «Пржевальский». Сильватые глыбы льда скользяли вниз по реке, и Волга играла ним — кружила в поворотах, затягивала вглубь, швыряла на берег звенящим крошевом.

На берегу высились десятиэтажный грузоподъемный кран «Э-1004», вокруг которого возилось несколько обветренных до черноты парней. Они укладывали в траншею кабели, устанавливали на земле различные металлические фермы, сооружали трансформаторную будку. Старосельский знал, что здесь работает только что созданный большой от-

ряд строителей, которому предстояло перекрыть русло Волги. «Везет ребята! — с завистью думал он. — Первыми Волгу начнут штурмовать!»

А в это самое время в кабинет Геннадия Федоровича Масловского, начальника управления СУ-ГЭС-1, сидел инженер Давыдов. Перед Масловским лежал дипломный проект Петра Старосельского. Начальник читал его, не отрываясь, забыв о собеседнике, и лишь изредка отрывал карандашом особо понравившиеся места.

— А ведь это здорово, оригинально! — воскликнул он, окончив чтение. — Мы обязательно внедрим у себя этот проект. Кстати, Александр Васильевич, где сейчас работает Старосельский?

— Все там же. Электромонтером.

— Нужно будет направить его мастером в производство по перекрытию Волги, — подумав, сказал Масловский.

— Не рано ли доверять ему руководство, Геннадий Федорович? Ему и двадцати еще нет, только техникум окончил...

— Ничего, парень он, видно, толковый. Труду будет — покуда жем. А молодость, — он улыбнулся, — исправный недостаток. Помнится, и нам с тобой когда-то по двадцати было!

М. РУССКОВ

г. Волжский.

Панорама строительства Сталинградской ГЭС.

НУЖНЫ ЛИ ВАМ «ВАРЯГИ»?

В кабинете директора лыжкомбината что-то случилось со светом. Пришел монтер — рослый, известней парен в спортивном свитере. Остановился посреди комнаты. На лице удивление: дескать, зачем понадобился? — Не горит,— кинул директор лампу.

Монтер подошел к столу, пощелкал выключателем и весело подтвердил:

— Не горит. Пробки не смотрели?.. Зря.

— Ну вот и посмотри.

— Кто, я? — удивился монтер.

— А то кто же? Парень пожал плечами, нехотя поковырял в угол стула и полез к пробкам.

— Ну как? — спросил директор.

— А черт его разберет. Не пойму что-то.

— Слезай. Директор влез на его место, поковырялся в пробках. Лампочка замигала, потом загасла.

— Какой же ты монтер, если такого пустяка сделать не можешь?

Парень улыбнулся:

— Да я не монтер, а футболист.

— «Варяги? Что же ты сразу не сказал. А слышишь, значит, монтером?

— Точно.

— Так ты хотя бы для приличия в электротехнику поучился.

— Некогда. Тренировки, соревнования, режим и все такое...

— Ну, ладно, иди... переубеждай...

Когда за парнем закрылась дверь кабинета, директор задумался. Да и как не задуматься? Спортивный коллектив лыжкомбината считается одним из лучших в Казани, и, если говорить честно, не только считается, он и в самом деле один из лучших. Шестью человек в физкультурном коллективе. И это в подвешенном большинстве, конечно — «варяги», а свои, комбинатские парни и девчата — ткачихи, прикладницы, слесари, монтеры, для которых спорт — любимое занятие. А какие это замечательные ребята!

Вот Люба Николова. Приехала она на комбинат из глухой деревушки Шылама Тимасовского района. И едва переступила порог общежития, как ее, что называется, с ходу «взяла в работу» черновозная, беспокойная Магнур Запарова:

— Новенькая, тебя как звать? Любаша?.. Будем дружить. Спортом интересуешься?

Такой вопрос Любе даже в голову не приходил. В школе она, правда, бегала на лыжах, даже и первенство участвовала. Но разве это были настоящие соревнования? Лыжи в школе лезли, а палочки Любе не доставали. Выдернула палки из плетня и пошла. Потом оказалось, что всех мальчишек обогнала. Об этом Люба и рассказала своей новой подруге. Магнур тут же заявила, что Любаша — привороженная лыжница и комбинату просто повезло, что она пришла сюда работать. И, ко-

нечно, нужно немедленно сообщить о ней Мише Шитову, лучшему лыжнику комбината. Так и пошла Люба в лыжную секцию. А вскоре добилась и неплохих результатов.

Летом лыжники, чтобы не терять формы, занимались велосипедным спортом.

На первых порах велосипед доставил Любе немало огорчений. С обычной дорожной машиной ей удалось справиться довольно быстро. Но когда начали готовиться к городским соревнованиям и девушка пересела на гоночную, вот тут-то пришлось хлебнуть горя. Велосипед вел себя, как не обремененный груз. Любе нужно повернуть направо, а он упрямо заворачивал налево. После каждой тренировки Люба возвращалась с синяками и ссадинами. Некоторые комбинатские шутники спрашивали:

— Ты что, в секцию бокса записалась?

Люба зло молчала. Не обьяснить же каждому, как ей трудно. И посоветоваться не с кем: тренер повез на сборы велосипедистов-«варягов». Они-то занимаются как полагается — с тренером. «Варягам» создаются все условия. Вот и теперь укатили на сборы, за город, готовиться к соревнованиям...

Но не так которая у Любы Николовой, чтобы отступить. Пос-

ле смены отправляясь она в лесок на Лебяжье озеро, что неподалеку от комбината, и тренировалась, невзирая на погоду и на усталость.

День ото дня Люба набирала скорость и добилась-таки своего: тренер включил ее в команду.

На городских соревнованиях Люба финишировала третьей. А потом, участвуя в велогонке на первенство Татарской АССР, завоевала звание чемпионки среди девушек.

Вот какие девчата есть на комбинате!

И ведь не одна такая Люба. Разве уступит ей Катя Варфоломеева? Задумала Катя заниматься стрелковым спортом, а секция такой на комбинате не было. Кто-нибудь другой, может быть, потосковал бы немного, да и забыл о своем желании. Кто-нибудь, но не Катя. Она настоятельно требовала организовать стрелковую секцию.

— Что же, для тебя одной секцию создавать? На комбинате почти одни девчата работают. Они и близко к винтовке не подойдут,— ответил ей в совете физкультуры.

— Подождите! — отрезала Катя и ушла, хлопнув дверью. А через несколько дней явилась опять, на этот раз во главе целого отряда девчат.

Пришлось создавать секцию. А вскоре на комбинате стало еще одним спортсменом-разрядником боксером Катя Варфоломеева в стрельбе из боевого винтовки выиграла норму второго разряда. Сейчас она руководит стрелковым кружком, в котором занимается двадцать человек.

Если говорить о настоящих, о любви к спорту, о том, как эта любовь может появлять на человека, то надо вспомнить еще Ильдуса Бикулатова, одного из лучших лыжников комбината. А ведь было время, когда многие считали, что Ильдус — пропащий человек; любви парен выпить.

Сколько раз его ущемляли друзья, и все без толку. В конце концов терпение лопнуло.

— На тренировки больше не являйся,— сказали ему.

На ближайших соревнованиях лыжники комбината участвовали без Бикулатова.

Ильдус сильно переживал, но никак набрался решимости, пришел к ребятам.

— Больше не буду. Честное слово.

Это была еще одна победа спортивного коллектива.

Есть на комбинате слесари-боксеры, монтеры-борцы, ткачихи — велосипедисты, металлельники, бегуны. Но, как это ни странно, в списках спортсменов числятся еще и «варяги» — люди пришлые, не имеющие к производственному отношению; монтеры, которые ничего не смыслят в электричестве, слесари, которые никогда не держали в руках отвертку.

Отношение к «варягам» со стороны руководителей комбината почему-то благожелательное. Зарплата они получают, как полноценные работники, в спорте им создают привилегированное положение. Минувшей зимой, например, хоккеисты-«варяги» тренировались на специально оборудованном для них стадионе. А для скольких комбинатских юношей и девушек, вход на ледяное поле был закрыт: чего доброго еще попортят лед, и «варяги» будут невольными.

Наступает лето. И не исключено возможность, что из футбольном поле появится табличка «Посторонним не входить», причем под этим будут подразумеваться вовсе не те, кто действительно является посторонним на комбинате.

Так и не могут руководители комбината и совет физкультуры решить вопрос: зачем же все-таки нужны «варяги»?

Неужели нельзя собрать хорошую футбольную или хоккейную команду из работников? Пусть на первых порах она не добьется блистательных успехов, но зато команда будет по-настоящему своя, комбинатская. И даже небольшие победы одерживая ее, принесет больше радости, чем самый громкий триумф фальшивых монтеров и слесарей.

Рисунок Е. Гурова.

Л. ФРИДМАН
г. Казань.

Алексей ФАТЬЯНОВ

НАСТЯ

Тень идет за Настей косо,
А за нею ветерок,
А за ним от папиросок
Легкий тянется дымок.
А потом уж только парни
У прохонки на виду,
Чтобы выглядеть шикарной,
С папиросками идут.
У них галстуки в разводах,
Модные воротники.
Все удивлен с завода —
Ну, скажи, не женихи!
Предлагают Насте сласти,
Настя сласти не берет.
Говорят Настасье:
«Здрасьте!» —
Мимо девушка идет.
Ни за что не обернется,
Лишь глазами улыбнется.
Ветка с дерева наветрится,
Только Настя не коснется.
Может гладить Насте косы
Только легкий ветерок.
Погосают папиросы,
Расплавляется дымок.

Тень идет за Настей косо.
А за нею ветерок,
А за ним от папиросок,
Вновь зажженных папиросок,
Легкий тянется дымок.

ЗВОНКОЕ СЛОВО

Студент! Студент!

Ну кто не поймет

Это, как золото, звонкое слово!

Студент! Студенты — особый народ,

Наследник Герцена и Огарева.

Горяч сердца молодая поря,

Время бессонниц, любви и дискуссий...

Годы прошли, а как будто вчера

Сам я был не последним на курсе.

Пусть пряжка на крайней дырке ремня

И в забытых ботинках студент,

Если осталось только три дня

До шумного пира — получи стипендию.

А как хорошо пробыть по Москве

За руку с другом,

Не правда ли? Скажите!..

Долго-долго не гаснет свет

В окнах студенческих общестий.

Она пришла негладно, незванно,

Разрушима всё

И всё построена вновь,

Преображена в капли океаны,

Всепобеждающая первая любовь.

Несвое всё стало несомненным,

Стал шторм девятибалльным ветромю,

Любое море стало по колено

И расстояние любое — пустиком.

Любияя!

Конечно, на планете

Никто такой ловки не встречал!..

На лбу вслукию — лучше на свете!

Ну как это никто не замечал!

Таких взрослых, видных еле-еле,

Таких зодных, солнечных, родных!

И дане у мадонны Рафаэля —

Ведь это ж никто! — не хватает их.

Рисунок Ю. Вечерского.

Федор ТИТОВ

ВЕСЕННИЙ ЛЁД

Рассказ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Посылаю Вам свой рассказ, прошу опубликовать его в Вашем журнале.

Родился я в 1929 году. Работать начал с 1941 года. Был почтовым, кувальцем, плавал на парусниках в Баренцевом море. После службы в Советской Армии работал на лесосплавке и лесозаготовках бригадиром, затем председателем рыболовецкого колхоза.

Учился в петровской заводской средней школе. Рассказы печатал в местных журналах и газетках.

Утро. Солнце, чуть поднявшись над лесом, красит избы в розовый цвет. Озеро, по берегу которого растянулись деревня, отсвечивает холодной синевой. В воде купаются отражения прибрежных деревьев, висят ввысь крышши дома. Вдалеке слышатся громоздкие льдины, потачиваемые легкой зыбью. Тает горкиватом запахом набухших почек осни, ароматом талой земли. Чуткая тишина застыла над озером. Только изредка от моторной лодки, стоящей на ябре маршута деревни, доносится металлический стук да слышатся тонкое посистывание крыльев пролетающих уток. И вдруг устоявшую тишину разрывает звонкий дивный голос: — Юли! Перевази!

Кажется, что вода пошла рябой от прозевающего над озером эха: «О-о-я! Е-е-и-и!»

У самой кромки прибрежного леса стоит девушка со свертком под мышкой, в больших, с длинными голенищами резиновых сапогах, в вязаной красной кофточке. Сложив ладони рупором, она еще раз звонко и протяжно зовет: — Ко-о-о-ля!

И слова все вокруг наполняются эхом. Из рубки, сколоченной на корме моторки, выхо-

дит человек, смотрит из-под ладони на девушку, потом пересаживается в маленькую лодочку и гребет к берегу. В нескольких метрах от берега останавливается и поднимает весла. С них стывают крупные капли и оленными комочками падают в воду. Коля в блестящем от недрти и машинного масла комбинезоне, с чумазым лицом, сердито спрашивает: — Ну, чего ты кричишь, словно тебя режут!

— Как это, чего кричишь? — возмущается девушка. — Председатель велел мне с тобой за рыбой ехать!

— Тебе! Со мной? За рыбой! — удивленно переспрашивает Коля, разорочивая лодку. — Пусть председатель сам с тобой едет! Плакать мне с тобой, кто ли!

— Все-таки он причаливает к берегу. Девушка лодку прыгает в лодку. Не глядя на нее, Коля резкими рывками гонит лодку к моторке и уже сдержанное ворчит: — Председатель! Председатель!..

— А у тебя у самой-то моторок varit или нет? Ты видишь, лёд по озеру носит!

Коля бросает весла и, вскопиче, выкидывает руку в сторону свернувшегося под солнцем

льда. Лодка резко кренится от его движения, и он машком хлопается на скамейку. Звонкий смех рассыпается над водой.

Ну, чего ты смеешься? Как дитя... Дарья — это одно слово! На зра бр дитя там! Дарья — это другое слово! На зра бр дитя там! Дарья — это одно слово! На зра бр дитя там! Дарья — это одно слово! На зра бр дитя там!

Девушка поднимает брови, от чего на лыбу обозначается полоска нездоровячей кожи.

Ты сегодня не с той ноги встал! — смеется Даша. — Или не выспался?

Коля снова ахкает:

— Смотри! Она еще и нахмелевает! Лыно, проснись, как лыно! Запрет. Запрет. Запрет. — успокаивать не буду!

— Тыфу! Тыгун тебе на язык! Чего ты буди нахмелева? Да и запрет — посмотри, кто запрещает быструй!

— Тыгун... И слова-то у тебя... Одно слово — Дарья!

Коля еще что-то хочет довить, но лодка с ходу ударяется о борт мотора. Он хвляется за лыр и больше ничего не говорит. Поля Даша расплывает веревку с якоря, Коля залезает в свою будку, и вскоре оттуда доносятся ровное гудение лаяльной лампы. Через четверть часа мотора, деловито постучавша дугателом, подбрасывая в небо из тонкой трубы черные кольца дыма, плывет по наполненному солнцем свету ослепному простору.

— Ой, Коля, посмотри! Утою-то, уют сколько! — От восторга Даша всплескивает руками.

На краю огромной льдины, как черное покрывало, расквасал став уют. Птички как слышат даже сквасел стук мотора. Коля кривит губы.

— Каква завидаль — уют!

Но Коля его невольно поворачивает руль, и мотора направляется прямо на льдину. Утки взором поднимаются и тучей пролетают над самой водой.

— Коля! Бреной! Глади! — вновь всплескивает руками Даша.

Коля фликает:

— Бренва не видаль! Ну, дитя!

Внимание Даша привлекает то бревно, то динца бочки, то полузатонувшая корзина. Она рада всему: яркому солнцу, чистому небу — всему миру, щедро раскинушаему перед ней в это весеннее утро. И огромная ледяная полая, в которую угрозою скисает моторист, не вызывает у нее никакого страха. С восторженным любопытством разглядывает Даша приплывающие мимо них льдины: во вкус зимней дороги с мясом, солонью, даже с ветхой обложу. Все льдины с пробылой, алая льдышка полая, все же видно, что это именно прорубь: около нее лежит лопата. Интересно, чья лопата? Из какой деревни?

— Погоди... Будет тебе интерес! — еще еще ворчит моторист.

— Коля! Дай я порую! а! — просит Даша.

— Как же... Обязательно... Увидишь щелку и про руль забудешь! — Он подчеркнуто строго смотрит вдаль.

Даша обижено поджимает губы: «Ишь, завивкал... Подумайся! Нет, так и не надо». Но обмануть себя ей не удается. Вода она вечно сама напорохивается у прудсаделата в эту поездку. Ох, как хочется ей взять в руки туц подрагивающую руль и стоять, вдыхая нх с чьм не сравнимый запах перегорелого машинного масла!

Давно затнута Даша между стая мотористов. Когда колхоз отправлял Колю на курсы мотористов, она не выдержала, ушла с соборния и целый вечер проплакала от обиды. Но никому ничего не сказала. Ведь все равно не отправят! Работ сколько угодно — где уж кто денациона! Но мечта не давала покоя, и Даша всеми правдами и неправдами старалась попасть на моторку, приглядывалась как работала Коля, и про себя думала, что если б он разрешил ей, сама бы завела мотор. Но Коля и близко не хотел подпускать Дашу к мотору, хотя частенько поручал ей наливать солерку в бак, разогреть лампу, вообще делать все, что погрязней. И Даша думала: «Почему бы ему не взять меня в ученицы? Ведь осенью он уйдет в аринию! Кто будет тогда мотористом!».

Она встряхивает головой, отгоняя заманчивые мысли. Моторка отбывает скалестый мис с одинокой сосной у самой воды и скрывается за ним.

...Солнце поднимается все выше и выше. Волнующаяся ледраа плывет над озером. В середине дитя начинает дуть ветер, усиливаясь с каждой минутой. Через час озеро становится неузнаваемым. Тяжелые крутые волны с бешеными барашками плывут на гребни несутся к берегу. Стоящая на мысе одинокая, с уродливыми сучьями, изогнутый столбом сосна скривит под напором ветра. У подножия сосны скивает вода, хлопья пены долают до скосы. Озеро дышит холодом. Громкий ледяной массе медленно надвигается на берег. Коля направляет труженику руль и замето осваиваю моторку в оставшиися узкой пролиа между берегом и льдом. Из трубы часто-часто вылетают кольца дыма. Моторка, словно живое существо, спешит выдаться из опасного, на всем лопается прижимая к камням дыма, на солнце блестя белая щелка. За первой льдиной ползет вторая, третья... И вот на берегу вырывает ледяной вал, подается вперед и, как бритвой, под корень срывает старую сосну! Коля едва успевает повернуть лодку. Но путь назад уже отрезан льдом. Тогда Коля снова разворачивает моторку, и она с шумом врывается в ледяное крошево. Даша замедляется. Вдруг черные кольца перестают вылетать из трубы. Заснул мотор!

Стоявшая это время на носу лодки Даша, всплеснув руками, бросается в рубку, перепрыгивая через корзины с рыбой. Расплывшая дугеру, она испуганными глазами смотрит на поблывающего Коло. Дрожжищими руками шарит по мотору.

— Что случилось? — спрашивает Даша.

— А черт его знает! — слышим от волнения голосом отвечает Коля, и бросив в угол гребень илоп, вылетает из рубки. Сплошной гул и грохо охватывают весь лед. Стоит над берегом. Моторку медленно несет на камни. Коля тяжело выдыхает.

— Что делать будем! Эх, черт дугеру меня поехать с тобой!.. Был бы хоть какой-нибудь моторист! А то... — И он с тоской смотрит на приближающийся берег.

— Давай выбросишь рубку! — говорит он, не глядя Даша в лицо. — Моторка легче стана везь льдом вынесет на берег, как щелку. А! Даша засмочит. Но когда Коля берется за рулю корзину, она подхватывает ее с другого бока. Они ставят корзину на борт, и вдруг Даша вспоминает старого рыбака, который помогал им грузить рыбу. Держа на широкой ладони несколько серо-сизцовых рыбок, ста-

рик шумно глядел их, радостно улыбаясь. Даша рынком опривидывает корзину обратно в моторку. Серой каша рыба растекается по льду.

— Коля! Как же!.. Лодки ловли, ловли, а мы! — смущенно оправдывается Даша. Коля со злостью хватает другую корзину, но тут же выпускает ее из рук.

— Лови, лови... Ты знаешь, что моторка стбит дорухе в сто раз той рыбешки! — Коля в сердцах ударяет ногой по корзине. — Да и самим пропадать, что ли, из-за нее Ну, что ты молчишь! Выскласс!.. зознательная. Ну, что буди делать!

Даша быстро оглядывается, берет багор и идет на нос мотора. Упирався багором в льдину, она с трудом проталкивает лодку вперед. Коля с раскрытым ртом некоторые время следит за ней, потом уходит в рубку. Ветер срывает с головы Дашы багат и треплет волосы, но Даша никогда их убирать. Она с ожесточением отпихивает льдины, то и дело поглядывая на берег. Проглаивая, а за глала появляються илоп, а за будки доносятся только гудение. Мотор молчит. Лодку все ближе прижимает к берегу. Даша берет багор и идет в рубку.

Коля сидит возле мотора, бессильно опустив руки. Он даже не оглядывается на Дашу.

— Ты буди делай! — слышим от мотора. Тот беда! Даша машет рукой.

— Ничего не выходи!

— Как это не выходи! — горячится Даша. — Чего сидишь как лень!

— Да крути, крути! — Коля кивает на мотор. — Молчи! — слышим от мотора.

— А ты не злиси, не нерничай! Давай еще попробуем!

Коля продолжает сидеть. Даша придирно осматривает мотор, и вдруг ее обжигает в одну минуту лед, а другая вырывается. Она замечает, что топливный прибор перекрывает краником. Такая пустяковая причина остановки мотора ошеломяет Дашу. С нее словно сто пудов сваливаются. С презрением и досадой она яринит:

Эх, ты! Моторист! Расселся тут! Поглядя, кривит — сам закрал!

Коля смотрит на краник, потом на Дашу, и даже размазняя по его лицу нефть не может сдержать краски стыда и зловольной радости. Он бормочет:

— Ну, давай заваливай... Он сам... заволься. Наверное, от траски. Постепенно...

— Постепенно! Вот постепенно и надо было все осматреть... А то — давай рыбу за борт!.. Заводи жиней!

Через минуту Даша с еще большим приревнем работает багором, а за ее спиной уже раздается победные хлопки, из трубы вылетает багарово пламя, и мотор начинает радостно таратать. Из будки выглядывает чумазое лицо Коля. Он кричит что-то неслышное в ступе мотора и несмело улыбается. Расстала льдышка, дожда медленно протискивается вперед. Наконец она выходит из желобистой лед, где ее слегка покачивает ветреной волной. И вотazole бортов нет уже ни одной льдинки. Только тут Даша оглядывается — берет теплую лопату, вытаскивает вал шельматы, свергает на солнце. Даша смотрит на удаляющуюся мис, на круготорбье волны, бросает примитивный взгляд на Колю и всплескает.

— Ну что! Кто скорый аймак!

Коля заперев руль веревкой, подходит к ней, смущенно говорит:

— Слушай, Даша, не сердись... И, тронуев за руля, добавляет: — Я больше никогда не буду дрязнить... Да оно, и мям-то, неплохое... Только никому не рассказывай, что я обещал, сама понимаешь... Ладно! Всякое бывает...

— Ладно уж, что с тобой сделаешь! — Даша по-хозяйски берется за руль.

Коля поглядывает на нее и вдруг, словно обманывая какой-то мыслью, быстро прозноснит:

— Знаешь что? Давай ко мне в ученики... а ученицы, то есть, — поправляется он. — Пойдем!

Даша скупо улыбается, боясь выдать охватывающую ее радость, и отвечает:

— Ладно! Подумаю!

Впереди показывается дома деревни...

Николай ПОВАРЕНИН

ДЕВУШКА С РАЗЪЕЗДА

Долго чм гуляю по перрону.
Ожюда поезд в тишине.
Помню, проводив меня в вагон,
Ты сказала на прощанье мне:

«Лущи бы не мучилис, не езди!..
Что тебе на стройку так влечет!
Жни бы ты спокойно на разезде,
Ты тебе и сад и огород!»

Мы с тобой расстались у вокзала
После торопливой звонка.
О любви ты слова не сказала,
Но о ней повеладу я.

Не забуду нежные ладони
И слегка нахуренную бровь...
Только жинь на твоих перегонах
Не застанет даже и любовь!

Г. Равалек.

СТРАНИЧКА ОДНОЙ ЛЕТОПИСИ

Фото

А. Горячева.

Комсомолцы многих новостроек установили хорошую традицию: вести фотолетопись событий. О самом важном и ярком рассказывают эти летописи. В надрах этап за этапом раскрывается история рождения городов и заводов, домен и гидроэлектростанций, стальных магистралей и каналов.

Перевзлетает такую летопись молодой строитель и с волнением, понятным каждому, вспомнит трудные будни и первые победы. Вглядится повнимательнее в синими, узнает себя где-нибудь среди земляноров или подсобников, улыбежится и подумает: «Многие из нас когда-то почти ничего не умели. Но мы учились, не бросая работы, и стали теперь электросварщиками, бульдозеристами, ирановщиками, монтажниками...»

Есть своя фотолетопись и на Горьковской ГЭС — одной из девяти гидроэлектростанций Волжского каскада. В ней запечатлено все: работа геодзистов, сборка первых домов, рытье котлованов, укладка бетона, перекрытие Волги, монтаж и пуск агрегатов...

Но летопись еще не закончена, хотя все восемь гидрогенераторов Горьковской ГЭС давно уже вошли в строй. Стройка продолжается: рядом с ГЭС вырастает индустриальный центр. В этом году предстоит завершить архитектурно-отделочные работы по гидроузелу, выполнить значительную часть заданной строительству ряда промышленных предприятий, теплоэлектростанции, магистрального коллектора. А сколько надо выстроить в поселке новых домов, сколько надо разбить садов, парков и скверов...

Снимок, публикуемый на этой страничке — один из новых кадров фотолетописи Горьковской ГЭС. Он сделан весной нынешнего года. Лев Картышов, которого вы видите на снимке, не новичок на стройке. Он пришел сюда несколько лет назад, когда только еще начиналась сооружение гидроэлектростанции. Был подсобником, копал землю, грузил автомашины. Комсомолец Картышов знал: здесь можно получить любую специальность — электросварщика, водителя самосвала, оператора, машиниста ирана. Все зависит от желания и труда. На строительстве ГЭС Лев Картышов закончил курсы молодых специалистов и стал электромонтером.

Сейчас он работает в бригаде Крупнова — одной из передовых бригад Горьковгэстроя. Юноша поставил перед собой задачу — стать инженером. Впереди у него знамя имени в Московской энергетической школы, и хочется верить, что молодой рабочий будет хорошим инженером!

Н. ВАСИЛЬЕВ

Иля Катари живет в далекой Индии, а Лариса Курдюмова — в Москве. Одна — танцовщица, другая — студентка. Сердечная дружба связывает двух девушек, познакомившихся на концерте индийского национального ансамбля в советской столице.

Фото М. Мураова.

ЧЕЛОВЕК СНЕГОВ

1

К о мне подошел высокий, стройный юноша. Одет он был в белую рубашку из шелкового полотна, которое называют «фуджи», узкие брюки, заправленные в кожаные сапоги без каблуков; коричневый халат, спущенный с плеч, прихвачен руками вокруг гибкой талии. Смутное его лицо было освещено большими черными глазами, сверкавшими любовью. В левом ухе болталась серебряная серга.

Приветливо улыбаясь, юноша протянул мне руку и отреккомендовался:

— Касан.

Я записал в тетрадь.

— Касан — мое имя, — весело заметил юноша. — Оно пишется без дзифа. Да поистине я называюсь так: из деревни Магвай, по семейной фамилии Цзян, но личному имени Касан. Так принято говорить у нас в Тибете.

Значит, вы тибетец?

Юноша подтвердил кивком головы и сел рядом кресло. Но прежде чем приступить к беседе, он в шутку поприщипывал меня по тибетскому обычаю: показал ладони рук и кончик языка. Это означало: в руках нет оружия, на языке — яда, он настроен ко мне вполне миролюбиво.

Должен сказать, что эта встреча была как некая ксати: незадолго до нее я прочитал в одном из иностранных журналов статью о том, что в недоступных снежных горах Тибета якобы обитает «человек снега». И вот мне представился случай поговорить о таинственных следах с юношей, который сам живет на недоступных вершинах.

Мой вопрос Касан понял с полуслова.

— Вы хотите знать, — переспросил он, — про метч канг-ми?

Мне было известно, что слово «канг-ми» в переводе означает «человек снега», или «снежный человек». А что такое «метч»?

— Это тоже тибетское слово, — ответил Касан, — оно употребляется, когда люди хотят дать представление о чем-то сверх меры грозном, отпугивающем. — Да, — продолжал он, — я слышал про человеческие следы на снегу. Сам я не видел ни следов, ни снежного человека. Но если вас интересует, могу кое-что рассказать. Не о нем, собственно, а о себе. И ведь недавно был сам этим метч канг-ми. Вы удивляетесь?

Обратившись к переводчику, Касан спросил:

— Есть ли у советского товарища время? Если нет, я расскажу ему про свою жизнь.

У меня было время, да и нельзя было воспользоваться случаем, чтобы взглянуть на таинственный Тибет через судьбу хотя бы только одного тибетца.

Что мы знаем о Тибете? В учебниках географии его называют «Крышей мира». Он расположен внутри Азиатского материка и назван «крышей» потому, что поднялся над уровнем моря на четыре тысячи метров. Это самое большое и самое высокое плоскогорье на земном шаре: с севера на юг простирается на тысячу сто километров, с запада на восток — на две тысячи километров. На всем плоскогорье — хребты с вечными снегами, а между хребтов — глубокие впадины на одну — две тысячи метров и пустынные, безлюдные равнины.

Тибет отстал от западных стран на столетия, и его общественно-экономический строй находится всего лишь в стадии раннего феодализма со значительными пережитками рабовладельчества.

Тибетцы исповедуют ламизм¹. Он прошир

из Индии в давние времена и уже к VII веку так укрепился, что постепенно огулом своим монастырями всю страну. В монастырях Тибета сто пятьдесят тысяч лам — монахов. Сто пятьдесят тысяч на миллион населения!

Главный город Тибета — Лхаса — святая святых для буддистов, так же как Мекка для мусульман или Рим для католиков. В Лхасе живет далай-лама, которого буддисты всего мира называют своим духовным вождем.

По буддистскому учению, смерти не существует. Когда тело умирает, душа перевоплощается в другое существо или в другое человека. Нынешний далай-лама был ребенком простой крестьянской семьи из провинции Цинкай, когда умер далай-лама тринадцатый. В этого ребенка будто бы и переселилась душа далай-ламы тринадцатого.

Тибет был извечно отрезан от мира. Чтобы попасть в эту страну из Китая, нужно было три — четыре месяца пробираться верхом по опасным горным тропам. Для иностранцев, сверх того, «Крыша мира» была запретной зоной. Монахи ревниво оберегали свой край от посторонних взглядов. За всю историю здесь побывали лишь очень немногие европейцы.

Кинги очевидцев о Тибете были мрачными. И все-таки я удивился, когда Касан сравнил себя со «снежным человеком».

2

— Мне двадцать четыре года, — начал свой рассказ Цзян Касан, — но человеком стал всего лишь шесть лет тому назад, а до этого имел людской облик, я жил, как скот,

Цзян Касан.

как метч канг-ми. По снегу я ходил в обуви, и, конечно, путешественники видели не мои следы. Летом я, мой отец и все наши родичи ходили босиком, и на песке ученые могли бы заметить отпечатки наших ступней и описать так, как они описывали следы метч канг-ми: «Отчетливо видны отпечатки пяти пальцев; отпечаток большого пальца значительно крупнее остальных и оттопырен в сторону».

Было у меня и жилье, но пополам с мулом и овцами. В наших фанзах нет труб. Дым от очага идет в отверстие, проделанное в крыше. Очаг напоминает бойницы. Вместо стекол они заклеиваются бумагой. Керосновых ламп или свечей у нас никогда не было, и мы даже не знали, что они существуют.

Мы считали, что грязь предохраняет человека от болезней, поэтому никогда не мылись, а девушки нарочно мазали щеки сажей, потому что по обычаю они должны были выходить на улицу с обезображенными лицами.

У нашего народа много суеверий. Считается, что «душу спящего днем может унести дьявол». Поэтому, если кто-нибудь заболел, он ни за что не ляжет днем в постель, и чтобы не упасть от слабости, привязывает себя косою к стене.

Землю мы пахали рогами горных козлов и били ичмень. Из него делалась цзамба — любуемая пища тибетца. Приготавливается она

Автомобиль постепенно проникает в самые труднодоступные районы.

Фото В. Кассиса.

¹ Даламизм — разновидность буддизма.

так зерна ячменя, поджаренные в горячем песке, перемалываются, мука высыпается в чашку, разводится на кипяченом чае, слаживается красным перцем, иногда капустой. Все это перемешивается пальцем и направляется в рот в сыром виде.

Купать шамбу считалось счастьем. В нашем доме это случалось редко. Я был еще совсем маленьким, когда отец отдал меня в батраки. Хозяин не пускал к общей стое и никогда не давал шамбу. Все, что оставалось от обеда, он ссылавал в кучу, половину отдавал мне, другую — собаке.

Была в нашей семье тогда одна радость: кушт пиюво. Он перешел в наследство от прадеда и считался семейным сокровищем. Цветы я не был крупным и разноцветные: красные, как кровь, розовые, как заря, и белые, как снег. Таких пиюво не было ни у кого.

Однажды забрел чиновник и пристал к отцу: «Отдай кушт!» Но как отец мог отдать его! Чиновник рассердился, ударил отца палкой. Отец выгнал чиновника. А потом пришли солдаты с лопатами, выкопали пиюво, связали отца и увезли в тюрьму. Вернулся отец домой через полгода с отбитыми легкими. Перед смертью он велел мне приблизиться к его губам и сказать: «Я скоро умру и не смогу убить чиновника. Покаяйся, что убьешь его».

Родители назвали меня «Касань», что означает: мир, счастье. Но счастья у меня не было, а после того, как умер отец, не стало и мира. Что бы я ни делал, куда бы ни шел, — одно желание владело мной: приобрести ружье и убить чиновника.

Я знал: надо много заработать денег, чтобы купить ружье. Мать отдала меня в батраки к богатому кучу по фамилии Лай в Юньнаньской провинции. Я стал погонщиком мулов. Мы водили караваны из Юньяна в Чэнду, Сикав, Лхасу. В Лхасу варили чай, сахар, а из Лхасы — шерсть, кожу.

Это был тяжелый путь. Тропа, по которой шли мулы, очень узкая, извивалась то по спущенным скалам, то по горным кручам. Зимой тропу застилал снег, мулы иногда срывались в пропасть. Все шерсть и кожу отсылали за счет погонщиков. После метели мы шли впереди каравана и собственными ногами прокладывая тропу. Если мул застревал в снегу, снимали с него груз и на своих спицах переносили шерсть и кожу вперед. Очень трудно было переходить горы. Мулов сбивало течение, поглыбщики покрывались льдом.

Невгодам закаляли меня. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я был уже таким сильным, что если бы встретился с меты кангми, смог бы, наверное, даже его одолеть. Но чтобы одолеть чиновника, нужно было ружье. А денег на ружье накопить мне никак не удавалось.

Я собрал десять погонщиков, молодых и сильных, как и в чашу с вином, мы опустид на несколько канель своей крови, выпили все это и покаялись бы братьями: «Ты умрешь — я умру, ты будешь жить — я буду жить, у тебя есть дело — я помогу тебе буду, у меня есть дело — ты помогу тебе будешь».

После клятвы я рассказал названным братьям о том, как погуб мой отец.

«Смерть чиновнику?» — воскликнули они. Но исполнить клятву можно было только ружьем. А где его взять? Мы пошли в горы и стали отбивать деньги у богатых пушников. Вскоре у нас скопилось столько серебряных юаней, сколько нужно, чтобы купить добрый винчестер. Я боялся, что хозяин отнимет у меня деньги. Но погонщик, который караулился в мою родную деревню, и послал деньги матери. В разное предупредил: «Эти деньги для покупки ружья. Берети их, как берешь свой глаз».

Мать была неразговорчивой и попросила соседа прочитать записку. Тот оказался негодником, рассказал помещику. Помещик отобрал деньги у матери за землю, которую мы у него арендовали.

Наступил 1948 год. Купец Лай боялся, что в Юньнань придут красные и конфискует его товары. Он свернул дело, погонщиков уволил и в одиночку не оплатил его труд. Мы, все десять названных братьев, явились к кучу с требованием:

Большим успехом пользуются выступления тибетских вокальных ансамблей.

«Отдай заработанное».

«Не отдавай!» — заорал кучек.

Я схватил его за шинорет, тряхнул как следует и пошел в передний угол, где стоял сундук с деньгами.

«Подай юлочи!» — потребовал я.

Кучек подал. Я отсчитал восемьсот юаней, которые нам причитались, и сказал названным братьям:

«Уходите в горы, я буду вас прикрывать».

Братья бежали уже на югогору. Я решил, что пора биться и мне, но в дверях неожиданно появились полицейские. Осно было открыто, я крикнул названным братьям: «Спасайтесь!» — но они вернулись, чтобы освободить меня.

Хозяин был трусливым. Он боялся, что мы будем мстить ему, и уприсял полицейским отпустить меня, если мы вернем деньги. Мы вернули этому жадному человеку восемьсот юаней, за которые мучились на тропах Тибета много лет, и разошлись ко куда.

В городе Лишаня я нашел для себя новый хомут. Это я сейчас называю новую работу хомутом, а тогда был очень ей рад! Нависая я в батраки к богатому по национальности насик. Как-то у него собрался гости. Я помогал раставлять столы и так старался, что нечаянно толкнул дочь хозяйна. Она уронила посуду, рассердилась, силада туфлю и ударила меня. Дочь тибетца это самое страшное оскорбление: обувь женщины не должна прикасаться к телу мужчины. Девочка билла меня своей погнутой туфлей и смеялась. Я не выдержал, схватил палку и замахнулся на хозяйскую дочь, но на меня наскочил хозяин и его гости. Я был каждого, кто попался, а потом выбежал во двор, перепрыгнул через забор, переплыл реку и скрылся в горах.

Сколько я там прожил, не знаю. Наверное, очень долго. Одежда превратилась в влохмы, волосы скатались в космы. Маленькая птичка дулово показывала мне места, где нет ядовитых трав, и я питался кореньями. Однажды я увидел свое отражение в воде и испугался. Думал, на меня смотрит меты кангми.

«Почему человек должен жить, как зверь?» — спросил я себя. — Пойду в город и буду искать коммунизма». О коммунизме я слышал еще в детстве. Через галзу деревню проходила на север Красная армия. Мы все убежали в горы. Только медь мой остался. И он рассказал, что коммунисты — хорошие люди: они борются за то, чтобы все люди жили счастливо. Бойцы Красной армии чужого ни-

чего не взяли, за пищу заплатили, а раздетым дали хаты.

Както на карананной тропе я познакомился со студентом. Он сказал мне: «Таким, как ты, надо идти к коммунистам». Но где эти коммунисты? В горах их не найдешь. Я вернулся в город и снова нависая в батраки. Однажды утром услышал необычный шум. Выбежал на улицу с коромыслом, которое всегда было у меня в руках, и увидел огромную толпу людей. Она шла по мостовой, возбужденная, грозная, выкрикивая: «Долой Чан Кай-ши!», «Вансуй коммунисты!».

Я пошел вместе с толпой. На площади воинский митинг. Один оратор призывал свергнуть Чан Кай-ши и взять власть в руки народа. Ни груди оратора я заметил красный значок, на котором был написан герольд «Шань».

«Что это такое?» — спросил я его.

«Мы состоим в организации «Сюан-шань», — ответил он, — «Снежная гора».

Митинг кончился, демонстранты разошлись. На площади остался я один со своим неизменным коромыслом. Что же делать?

Ночью я шепотом рассказал батракам о «Сюан-шань».

«Разыщи, где они живут», — сказали батраки, — мы все туда уйдем».

Я ответил, что я не знаю, деревня которой была покрыта снегом.

«Что это такое?» — спросил я его.

«У меня нет семьи».

«Боишься ли ты смерти?»

«Нет, я не боюсь смерти».

«Надеж? Записала?»

Через несколько дней ко мне пришел посланец из организации и сказал:

«Пора. Мы дадим тебе ружье и лошадь».

И вот я сел на лошадь, и в руках у меня винтовка. Это — знаменное событие любого тибетца. У нас каждый юноша к восемнадцати годам обязательно обзаводился верховой лошадью и ружьем, если для этого даже приходится продать все, что он имеет.

Я сел на лошадь, когда мне было двадцать лет. Дала ее «Снежная гора». В политике и

тогда совсем не разбирался и только сейчас, в институте, узнав, что «Снежной горой» называлась в Юньнани революционная организация молодежи, которой руководил коммунист.

Меня зачислили в юный партизанский отряд, которым командовал тогда тибетец, юноша из деревни Сератун, по семейной фамилии Дегатима, по личному имени Сянима. У него была очень сильная и быстрая лошадь. Он назвал ее Лою, что значит «Дракон». Мне казалось, что моя лошадь еще лучше, и я назвал ее Ямаг, что значит «Лес».

Вначале в отряде было тридцать человек, а винтовок двадцать. Вскоре в нем стало во семьдесят бойцов и появились пулеметы. нас послали в город Лицзя. Не доходя до него, мы устроили свою базу. Разведка донесла, что в городе стоит гоминдановский отряд. По утру солдаты без оружия ходят купаться.

— Мы пойдем их, как куропаток,— сказал Сянима.

Мы атаковали на городскую стену пулеметы и стали ждать. Гоминдановцы шли строем и действительно без оружия. Когда приблизились к стене, мы остановили их, а другая наша группа в это время забрала оружие гоминдановцев, которое стояло в казарме в козлах.

Эта удача окрылила нас, а гоминдановское командование так обалдело, что ни днем, ни ночью не давало покоя. Дело доходило до того, что у нас оставалось по одному патрону на человека, и мы отбивались камнями.

Нашему отряду приказали прийти на революционную базу вблизи китайско-бирманской границы—город Цзянчунь. Туда ставались все партизанские силы, чтобы бросить их на город Дзянчунь, аванпост гоминдановцев. На подступах к Дзянчуню мы услышали орудную канонаву. Никто из нас не слышал до этого орудной стрельбы. Я думаю, что

В Лхасе начала выходить первая в истории Тибета печатная газета «Новости», которая издавалась в местной типографии.

умру со страха. Мы встали на колени, сняли с поясов пластины с изображением Будды и начали молиться.

Нам приказали защищать место, а Сянима предупредил: «Патроны мало, мимо не стрелять. Гоминдановцы несколько раз поднимались в атаку. Но мы не стреляли мимо: тибетцы—все хорошие стрелки, и вражеский штурм захлебнулся».

После этого пошел в атаку наш отряд. Поднялись, мы в мохнатых шапках, в халатах и раздали врага, как давнт слон шпунную змею.

В этом бою меня ранило. Очнувшись, я, когда город был уже освобожден.

Партизаны захватили много городов в Юньнани. Но полностью она стала свободной, когда пришла к нам Народно-освободительная армия. Это было в марте 1950 года. Наш тибетский отряд был преобразован в кавалерийскую часть. Некоторое время я командовал эскадроном, а потом поехал на трехмесячные политические курсы. Окончив их, поступил в Сичуаньский институт национальных меньшинств, на подготовительное отделение.

Учиться вначале было очень трудно. Я ведь был совершенно неграмотным и не знал китайского языка. Сейчас я говорю по-китайски, но писать еще не умею. В прошлом году из Сичуаньского института меня перевели в Пекинский. Здесь я учусь пока тоже на подготовительном отделении.

3

С Цзян Касаном я беседовал в гостинице Пеинского института национальных меньшинств. Это светлая и просторная огромная комната, что ее можно назвать залом. В углах и в середине расставлены низенькие столики и мягкие диваны и кресла, обтянутые бордовыми чехлами. На стенах, побеленных мелом, висели в рамках большие листы ватмана с собственноручными надписями Ма Цзю-луна, Чжу Дэ, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая о дружбе народов, населяющих Китай. На передней стене—выдержка из конституции Китайской Народной Республики.

До встречи с Цзян Касаном в этой же гостинице учений секретарь Ма Чэн позвонил мне со структурой института национальных меньшинств, сообщив, что в нем учится тынальство человек, представляющих сорок семь национальностей. Наибольшее число студентов из Тибета—это студенты чеховек.

Ма Чэн посоветовал мне познакомиться и пообщаться с тибетцем Сянимом Дегатима.

— Он прошлый,— сказал Ма Чэн,—очень характерный жизненный путь. От бедного батрака революция подняла его до командира партизанского отряда. Сейчас Сянима—член Коммунистической партии.

Но Сянима не оказалось в общежитии, и для беседы с советским товарищем послали первого попавшегося тибетца. Им оказался Цзян Касан.

Наша беседа с Касаном подходила уже к концу, когда наелся и Сянима. Дверь распахнулась, и в ней показался такой же высокий и стройный, как Касан, юноша.

— Здравствуйте, товарищи!— приветствовал нас и назвал себя полностью. Он родился в Тибете: из деревни Сератун, по семейной фамилии Дегатима, по личному имени Сянима.

Здороваясь, он широко размазнул руки. Ни на рубашке, ни ушей комсомольский значок с пятью золотыми буквами «ВЛКСМ». Заметив мой вопросительный взгляд, Сянима пояснил:

— Это подарил московские комсомолки. Мне еще предстоит побывать в Москве. И даже два раза.

Сянима сел рядом со своим однополчанином. Оба стройные, красивые, полные человеческого достоинства и в то же время приветливые и скромные.

Касан закончил свой рассказ о себе, и мы начали разговор об изменениях в Тибете, которые произошли после 23 мая 1951 года, когда было подписано соглашение о дружбе и сотрудничестве между Китаем и Тибетом при Народном правительством КНР о мероприятиях по мирному освобождению Тибета.

Конечно же, речь прежде всего пошла о Сикан-Тибетской и Цинхай-Тибетской дорогах и аэропортах. Касан затронул и титанический труд, чтобы соорудить эти магистрали! Но как это укрепило связь Тибета с внешним миром и прежде всего с Китаем! Раньше в Тибетом в Китай можно было проехать только через по опасной горной тропе. Этот путь занимал три—четыре месяца! По новым шоссе поехали автомашины, и они преодолевают это расстояние за четыредцать—пятнадцать дней.

Сейчас вблизи Лхасы сооружен аэропорт, и в Тибет начинают летать самолеты. Ушла в неозорватное прошлое вековечная изолированность Тибета от внешнего мира.

На вскрытии земельной доли пошли геологи. В Лхасе начала работать геофизическая обсерватория. В небе Тибета каждый день можно видеть воздушные шары. Их запускает Лхасская метеорологическая станция. На среднем течении реки Лхаса плавает гидроэлектростанция, на котором гидрологи днем и ночью исследуют характер реки. Исследуются также главные реки Тибета—Брамапутра и Нянхю.

В Лхасе созданы антономические мастерские и небольшой железнодорожный завод. Вспыхнул электрический свет. В этом городе повсюду можно увидеть пионеров с красными

На тибетской земле появились тракторы и комбайны. На снимке: сельскохозяйственная выставка в Лхасе.

галстуками. Это школьники. В двух классных начальных школах обучается свыше тысячи мальчиков и девочек. А всего в Тибете создано тридцать одна начальная школа. Уже открыта первая средняя школа.

В десяти километрах к западу от Лхасы создана опытная сельскохозяйственная станция. Она испытывает новые злаки, которые могут произрастать в Тибете, и помогает крестьянам осваивать передовые методы земледелия.

С мая 1955 года в Лхасе начала выходить первая в истории Тибета печатная газета «Новости».

Много чудесных новостей сообщает она жителям высокогорного плато: о кинопередачах, которые показывают китайские и советские фильмы, о создании больницы, родильных отделений, о новых посевных материалах, которые уже протрунались до самого западного города Тибета—Гартока, а на юг—до Паро, находящегося в Гималаях, где якобы обитает человек слезов».

Тибет пробуждается от сна веков.

Мои собеседники рассказывали мне о новой жизни Тибета с большим, радостным возбуждением. Слушая их, я вспомнил про клятвенное обещание Касана убить виновника смерти его отца.

— Удалось ли вам встретить чиновника?— спросил я Касана.

— Нет,—ответил юноша.—так его и не встретил. После освобождения Тибета из дома мне сообщили, что этот чиновник арестован и переселен в лагерь в трудовых лагерях. Всю жизнь я только и думал о встрече с ним. Много раз размышлял, как буду вытаскивать из него жалда. Сейчас, конечно, я его не тронул бы и пальцем. Наказание преступников—дело государства. Пусть он научится жить, как живут люди. Пусть станет человеком.

«О ДОЛЕ, ДРУЖБЕ И ЛЮБВИ»

На страницах советских молодежных журналов, главным образом «Юности» и «Смены», в последние годы привлекли внимание читателей дискуссии по вопросам взаимоотношений между юношами и девушками, о том, что такое настоящие дружба, на какой почве возникает любовь и т. п. Подобные дискуссии в значительной степени помогают решать важнейшие вопросы морали, волнующие молодежь.

В связи с этим выпуск издательства «Молодая гвардия» книги «О доле, дружбе и любви» следует только приветствовать. В ней более или менее обобщаются эта тема, несмотря на значительные различия между отдельными рассказами и по их художественному уровню и по темам. Но все авторы добросовестно попытались дать ответ на констатирующиеся вопросы, которые жизнь ставит перед молодежью.

В некоторых рассказах сборника чувствуется серьезная попытка густавской формы красоты и силу любви. Читателя искренне восхищает чувством Васин (в рассказе Юрия Петровича) и его любовь. Его любовь представляется нам тем более сильной, что мы вполне сопоставляем ее с любовью другого героя рассказа — Воронова. Любовь Васина превосходит любовь читателя как большее богатство. Не удивительно, что Воронов завидует «молодому».

Хорошо рассказал о настоящей любви и Виктор Стариков, познанию нас с молодыми «коллегами» Байкала. С точки зрения художественного мастерства рассказ «Сарма» принадлежит, на мой взгляд, к наиболее удачным в сборнике. Именно так бывает в жизни: настоящая человеческая любовь должна преобладать над любовью, быть со всеми приятней, искренней, искренней, искренней, искренней. Близко это хорошо показал. К сожалению, в сборнике не так много рассказов, в которых сильные описания всепоглощающей любви.

Положительной оценки заслуживают и картины из школьной жизни, нарисованные некоторыми авторами сборника. С большим психологическим тактом описала Валентина Мухина-Петринская эпизод из жизни Вали Герасимовой, здесь дано очень интересное изображение детского характера и детских интересов. Рассказ «Иван-Иван» Вали Герасимовой это тоже исследование о сложных, подчас противоречивых отношениях между детьми в школе. С интересом мысленно вникаем в вопросы жизни. Здесь и северный, бесчувственный директор школы, чертенок-директор, ронгар, здесь и настоящая, любящая детвора — Соня и Маша Хайлонова. Писательница вольновольно рассказала о глубокой тоске ребенка об отце, который оставил свою семью. Таких свежих трагических бытовых картин немало, и некоторые рассказы сборника вполне выполняют благородную задачу. Вместе с этим хочется сказать о «Белой жизни» — восхитительный рассказ Валеры Герасимовой. События происходят в своих надеждах, омраченных и планах. Но эту сложность создает сам взрослый человек, который отказывается себе отчета в последних своих поступках, не задумываясь над будущим детей.

Интересный, жизненный образ жизни нарисован в «Зерно» — очерке «Но правду друга». С такими подростками мы нередко встречаемся в нашей педагогической практике. В школьной жизни бывают такие странные случаи, когда требуют особенного внимания со стороны учителей и всего школьного коллектива, иначе молодые люди могут встать на плохой путь жизни. Писательница правильно показала, что таких юношей, как Леонид Цветаев, можно исправить. Но для этого нужно, чтобы в школе было как можно больше таких

номосомальцев, как Саша. Опасаясь на них, педагоги могут сделать очень много. Ведь, что в школе, живой школьной картинке Р. Зарновой сравнительно мало раскрыта деятельность учителя Леонид.

В сборнике показаны и люди, стремящиеся только к личному, эгоистическому преуспеянию. Таковы Дима Шатров («Послевоенный илла» А. Бема и Н. Лойно), мать «тихой Нюси» (рассказ Нина Деметрива), трусливый жених Марин (рассказ «Прыжок» М. Сыровой). Но эти произведения, как мне кажется, нет той выразительности и художественной силы, которой отличаются рассказы О. Мариновой «Шест у двора», Л. Уварова «Принимать» и Б. Вадного «Варя». Так, например, в «Послевоенный илла» поведение Нюси Зарновичей изображено с помощью прищипленной и упрощенной, без наивности картинкой действия: ведь не может же девушка в это так, буквально «на вымыслах», решиться выйти замуж, хотя она и любит Диму? Ее «раскисаться» звучит, как скандал, «сходить в кино». Мне, конечно, не кажется, что Нюси совсем не понравится, хотя она и выйдется автором как серьезная девушка. Но решение Нюси в конечном счете, правильное. Раз же, как испугалась неурядица на целине, пошла тем самым своим эгоистическим путем, значит, он не достоин любви и уважения.

Рассказ «В траве» я тоже причисляю бы к более слабым в сборнике. Намек на какого-то школьного человека, который решил обобщить молодую, неопытную девушку, неудачливый, неопытный автор этот образ приобретает какой-то абстрактный характер, представляется нам как символ чего-то некорректного. А где же образы для литературы? Ее здесь не хватает.

Отсюда художественная слабость и неудачливость рассказа. Упреки заслуживает и рассказ о «Тоске», который, как молодая, способная девушка, комсомолка, не могла дождаться в жизни, стала каким-то лишним человеком», преданным мечтателем. Стойкая пассивность портит читателя в характере Нюси; бесследно прошла ее юность, и впервые (в двадцать девять лет) она стала бессмысленной и безутраченной. Это можно сказать и о том, что я позволяю себе заметить в рассказе «Иван-Иван», что это не совсем жизненная ситуация в советском обществе, да и вообще не совсем добрая вещь автору, что это не совсем жизненная ситуация в советском обществе, да и вообще не совсем добрая вещь автору, что это не совсем жизненная ситуация в советском обществе, да и вообще не совсем добрая вещь автору.

Читатель недоумевает также, почему не играет в рассказе Антон Сильин. Но мой взгляд, это совершенно лишняя персона.

После перечитания отдельных рассказов сборника с особым удовольствием читательские танине произведения, как «Белая жизнь» Герасимовой, «Шест у двора» Мариновой. В них чувствуется чеховский почерк, выразительность, конкретность и конкретность в описании характеров, глубокая эмоциональная переживаемость. Читатель чувствует героя, не остается равнодушным и не чувствует себя в этом и состоит названный все рассказы сборника: вольновольно читателя, заставляя его задуматься над важными жизненными вопросами, почувствовать величие и красоту настоящей любви и дружбы, осудить пошлые и низкие в жизни. Некоторые рассказы в сборнике, вернее их авторы, справились с этой задачей, другие нет. Но все рассказы внесены без сомнения, полезны и очень нужны для молодого читателя.

И. ШАДЕЙ,

председатель русской литературы учительского института.

г. Врно, Чехословакия.

МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

Более двухсот лет существует Ярославский драматический театр, основанный первым русским актером, историк русской литературы, советские и зарубежные эстрадные театры. Занятия в студии ведут опытные артисты: В. Нельсин, В. Соколов, Н. Северин, И. Каренин, А. Рованов, режиссер И. Уляева и другие.

Сейчас у студийцев горячая пора идет подготовка и весенней экзаменационной сессии. Будущие артисты покажут несколько открыток из русских классических пьес, из произведений советских авторов. Кандидату из учащихся придется выступить в нескольких ролях. Это, конечно, нелегко, но зато какая возможность проявить свои способности.

Спорю студийцы, закончив учебу, начнут самостоятельную творческую жизнь.

М. ЛЮБМОУДРОВ

Воспитанники студии, а ныне артисты театра, слева направо: Т. Нильсон, Ф. Моисеев, В. Аршинов, Г. Толубева.

На уроке актерского мастерства... Студенты настойчиво ищут правильное решение характеров, подвергают каждый поступок героя глубокому анализу. Ведет занятие режиссер Н. Уфимцев (четвертый слева).

Сцена из спектакля «В поисках радости» В. Розова.

Еще несколько штрихов, и панорама города будет готова...

И рабочие Ярославского автомобильного завода приехали посмотреть бригаду молодых артистов. Выступает Елизавета Вурченко.

Даже в короткие перерывы между действиями известные артисты находят время побеседовать с молодыми исполнителями. Слева направо: народный артист СССР Г. Белов и артист Ф. Монаев.

КОГДА ЗАЦВЕТАЮТ
ТОЛЬПАНЫ...

Весной, когда зацветают тюльпаны, в кишлаках Таджикистана старики устраивали народные гуляния — «Сайли гул» («Праздник цветов»).

Вечером, в канун праздника, молодежь из кишлаков с песнями отправлялась в поля за тюльпанами. Шестые возглавляла юноша с факелом в руках.

Ранним утром праздничного дня народ собирался в условленном месте. Для «Сайли гул» выбирали поляну или зеленый холм. Сюда стекалось население кишлаков.

В полдень появлялась молодежь с цветами. Юноши и девушки несли ветви деревьев, сплошь обвешанные пучками тюльпанов, — огромные красивые букеты. Их встречали оживленно: торжественно: пением, стрельбой из ружей и даже феерверком. Начиналось народное гуляние. Известные в округе певцы, танцовщи и музыканты показывали свои искусства. Когда праздник заканчивался, букеты тюльпанов переносили в селение. И снова во главе процессии шла молодежь с факелами.

Таджикский «Сайли гул» — глубокое народное празднество. Он напоминает «праздник мая» у народов Западной Европы и русский «семик», но «Сайли гул», к сожалению, в наше время почти забыт. А ведь его очень легко воплотить новым, современным содержанием. Комсомольцам Таджикистана стоит подумать над этим.

Н. ЛОБАЧЕВА,
научный сотрудник
Института этнографии.

ПРОВОДЫ
С ЕЛОЧКОЙ

Куда ни глянешь — всюду лес. Недаром наш Семеновский район принято звать лесной стороной. Сосебная природа наложила отпечаток на многие переживаемые из поколения в поколение обычаи. Один из них — наряжать елочку — сохранился до наших дней, но теперь она звучит по-новому. Весело, с песней провожают одельщиками парней в армию:

Нарядите, девушки,
Елочку известную,
Проводите пареня
В Армию Советскую.

Девушки приносят из лесу зеленую елочку, украшают ее разноцветными лентами.

Раставившись с дружком, девушки приколочивают елочку к углу его дома. И висит она до тех пор, пока не возвратится домой воин и сам не снимет ее.

В семье Лобановых — патеро сыновей. Не так давным одним из них, комсомолец Александр, вернулся из армии в родную деревню Максимиха и сейчас трудится в колхозе «Красная звезда». Нынче на доме Лобановых снова висит елочка. Это уже третья по счету. Девушки любовно наряжали ее, проводив в армию младшего Лобанова — Володю.

В. БОЧКАРЕВ

Горьковская область.

Фото М. С. Наппельбаума. Публикуется впервые.

РЕДКИЕ ФОТОГРАФИИ

ГОРЬКИЙ
В ДОМЕ УЧЕНЫХ

Немногие знают о том, что первый в нашей стране Дом ученых был создан по инициативе А. М. Горького. 31 января 1920 года в доме № 26 по Дворцовой набережной под председательством Алексея Максимовича состоялось первое собрание работников науки Петрограда. С того дня Горький можно было видеть в Доме постоянно. Вместе с А. Ф. Иоффе, С. Ф. Ольденбургем, А. Ф. Кони, И. П. Павловым, Е. В. Тарле, В. П. Семеновым-Тан-Шанским, А. В. Ферсманом и другими крупнейшими учеными он присутствовал на заседаниях комиссий, научных собраниях или просто на товарищеских вечерах.

Особое значение А. М. Горький придавал восстановлению связей с зарубежными учеными, пережившими войну и блокаду. В апреле 1921 года Горький пригласил в Петроград двух финских ученых, с которыми был знаком раньше. Встреча с ними и запечатлена на публикуемом снимке, который сделан на балконе Дома ученых. Слева сидит В. И. Мясника — экстраординарный профессор философского факультета Гельсингфорского университета, в центре — А. М. Горький, справа — А. В. Игльстрем, преподаватель русского языка и заведующий русским отделом библиотеки того же университета. Горький, кстати сказать, много лет был связан с профессором Игльстремом по совместной партийной работе.

Вскоре после встречи Горького с финскими учеными Петроградский Дом ученых получил из

Финляндии несколько посылок с книжными новинками разных стран и вагоны с продовольственными.

ПОСЛЕДНИЙ
ПОРТРЕТ БЛОКА

25 апреля 1921 года... Петроград. Зал Большого драматического театра переполнен. Молодежь стоит даже в проходах. Уже несколько минут не смолкает ова-

ния в честь Александра Блока, которому посвящен этот литературный вечер. Корней Чуковский восторженно рассказывает о творческом пути поэта. Но вот на сцене сам Блок. Он адолебенно читает чеканыне, мужественные строки из «Двенадцати»:

Революционный дернот шат
Неутомимый но дремлет враг!

«Это был один из немногих дней, когда он (Блок) чувствовал себя хорошо, даже весело», — вспоминает о 25 апреля тежка поета М. А. Бекетова. — Присутствовавший на вечере фотограф Наппельбаум возмелл восторженную мысль снять в тот же вечер фотографию А. А. При вспышке магния. Ему мы обязаны лучшей отработкой, которую составляет последний прекрасный портрет Блока, столь похожий и снятый в такую счастливую минуту».

Да, этому портрету суждено было стать не только лучшим, но и последним. Вскоре поэт серьезно заболел. 7 августа 1921 года его не стало. Через несколько дней Всероссийская ассоциация пролетарских писателей устроила вечер памяти Блока. Над сценой, по просьбе организаторов вечера, Наппельбаум повесил увеличенный портрет поэта с траурной каймой. Портрет воспринимался иногда на первой странице сборников стихов Блока.

М. ДОЛИНСКИЙ,
С. ЧЕРТКО

Фурерванна

МОЛИТВА

К Олеся приехала в гости бабушка из села. Олеся крепко полюбила ее. Весь день они гуляли по городу, побывали в кино, в музее, в парке. Олеся тащила бабушку еще на стадион, но та отказалась: сказала, что ноги болят.

Позволив всей семье, посмотрели телепередачу, начали спать укладываться.

Вдруг Олеся увидела, что бабушка подошла к углу, усталися на ее детской календарь, и начала быстро-быстро что то шептать. А руками будто от пчел отмахивалась.

— Ты что, бабуся, стихом поворачиваешь?

— Не мешай! «Во имя отца, и сына, и святого духа»...

— Бабушка, что ты там шепчешь!

— Спи!

— Бабу-у-ся!

— Не мешай, я богу молюсь.

— А от тебя слышит?

— Кто?

— Ну, бог.

— Слышит, слышит. «Да будет царствие твое»...

— А как он тебя слышит?

— Ой, господи боже, твоя воля, и что это за ребенок такой! Спи, говорю тебе, время уже не раннее.

Но Олеся совсем не хотела спать. Она поправила подушку, положила голову на кулачки и огромными глазами уставилась на бабушку.

— А как он тебя слушает?

— Вот назавтра, господи! Ну, по радио слушаешь.

— А у него радио есть?

— Есть, есть...

— Бабуся, а почему ты так тихо!

— Он и так услышит.

— Э, нет. Не услышит!.. Бабуся, а он тебя видит?

— Видит, видит. Спи!

— А как он тебя видит?

— У него телевизор есть.

— Большой?

— Большой.

— Старший-старший, с седой бородой.

— С номером и с метлой!

— Ой, Олеся! Какое о бобе говорю!

— Дворник наш, дед Тарас, тоже старенький, с седой бородой, с номером и с метлой.

— То дворник, а то бог.

— На небе, а где живет бог?

— На самолете?

— Нет, просто на небе.

— А почему его не видишь?

— Потому что до него далеко.

— А на чем он там держится?

— На облаках.

— А когда нет облаков?

Тут бабушка промолчала, приворочившись, что не расслышала. Олеся одернула рубашонку, наткнула ее на колени и села на кроватку.

— Бабуся, а что бог кушает?

— Ничего не ест. Спи!

— А как же он живет?

— Он не живет, он сушый.

Теперь Олеся промолчала. Слово было непонятное.

Но бабушка напрасно надеялась, что все вопросы исчерпаны.

Поковыряв пальчиком в носу, Олеся спросила:

— А где он сушится?

— В раю.

— А что такое рай?

— Ну, деревья там растут, птички поют, зверята бегают.

— А карусель там есть!

— Нет, грусть там, жлобки, смоквинчики разные.

— Так бог — садовник?

— Ой, Олеся, Олеся, беда мне с тобой! Такое о бобе скажешь, он рассердится.

— А как он сердится?

— Грешит.

— Громог!

— Громог, громог, Спи!

— Пусай громог. На нашем дворе громогостов.

— Спи, не мешай мне!

— Прости нам прегрешения наши...

Олеся сидела некоторое время молча, а потом все же не удержалась:

— А что же бог делает?

— Ничего не делает.

— Так он на пенсик!

— Ой, Олеся, до того добравшись, что бог огненной розгой тебя отлещает!

— А какая она, эта розга?

— Ну, такая. Огненная, электрическая.

— Молния!

— Ну, да, молния.

— Я молнии не боюсь, молнии без грома не бывают. А я даже грома не боюсь.

Бабушка отмахнулась от нее и опять зашептала. Олеся поудобнее разместилась на кроватке.

— Знаешь, бабуся, бога нет.

— Как это нет! — встрепенилась старушка.

— А так, нет. Потому как если бы был, да еще на небе, его обязательно в планетарий показывали бы.

— Я и палый и планетарий была, и все видела. И позвонное сияние, и солнце, и луну, и звездочки. Даже эти... как их... ну, метеориты, ну, кометики, что с неба падают.

Все показывали, а бога не показывали. Значит, его нет.

Бабушка вздохнула и, крахти, начала укладываться на диване.

Так и не помолосивась...

Перевел с украинского

А. СЕМЕНОВ.

Синочки, дошки машины,
На конкурсной экзамене
Вы были, блондинчики,
Забьши об албиции.
Все, что вас ждёт, осмыслили
И досконально извасили.
Вас в институт зачислили.
Пять лет вы были вяслами.
Синочки, дошки машины,
Чем вы сейчас разстроены?
Вас ждёт опять экзамены,
Где земля не освоены.
Вот огню раскисли вы,
Свои носы повесили.
С дипломом лишь осмыслили:
«Не нравятся профессия».
Мы знаем, не до смега вам,
Синочки, дошки машины...
Куда б вы ни поехали,
Везде вас ждёт экзамены.

М. АНИКАНОВ

ВИДНЫЙ ПОСТ

Кого-то в детстве он любил
Мячи конять до пота
И в один «пенальти» бил
В «закрытых» ворота.
Но вот прошло немалое лет,
Забьши мяч и поле,
И держит душний кабинет
Партишку она приколол.
Котор там мячи!
Куда ты перел до футбола!
Он

занимает видный пост
В... райкоме комсомолов.
Анат. АНДРОНОВ

Необыкновенный день

8 апреля 1958 года был для Пермского университета особенным днем. 8 апреля — двадцать второй — все без исключения студенты, не говоря уже о научных работниках, были безукоризненно вежливы, предупредительны и тактичны. Большие толпы, пытаясь явиться вовремя к началу занятий, тщательно обогреты и в отглаженных костюмах, и — что всего удивительнее — из десятиклассных в коридорах юноши уступали дорогу преподавателям и даже девушкам.

Что касается женской половины университета, то и она в свой асмутике — преобразилась до неузнаваемости. Девушки были скромно, со вкусом одеты и аккуратно причёсаны.

Всему этому, как стало известно, предшествовала организационная и научная подготовка. С веделом и согласия комитета ВЛКСМ, объединенного профко-

ма, клуба, деканата, работников читального зала, кафедры иностранных языков, учебной части, а также 5-го отделения милиции и коменданты 1-го общежития был создан «Штаб содействия вежливости», который 31 марта 1958 года издал специальный приказ по университету о проведении 8 апреля «Дня хорошего тона». В нем предписывалось:

«§ 1. В этот день все студенты, научные работники, рабочие и служащие университета обязаны быть безукоризненно вежливыми,

предупредительными и тактичными в стенах университета и за его пределами.

§ 2. Всем мужчинам, независимо от возраста, прийти на университет в отглаженных костюмах, обогреты и обрызганы.

§ 3. Всем девушкам быть одетыми скромно, со вкусом и аккуратно причёсанными.

§ 4. Соблюдать правила движения по коридорам и по лестницам университета, уступать дорогу преподавателям (любого предмета); юноши обязаны уступать дорогу девушкам.

§ 5. В раздельные терпеливо дожидаясь своей очереди, а взае бирку, не забывая сказать благодарности спасибо...».

§ 6. Соблюдать все общие элементарные правила культурного поведения...

Для ознакомления с правилами, предусмотренными параграфом шестым, в приказном порядке предлагалось с 31 марта по 4 апреля прослушать цикл лекций на следующие темы: «О культуре

внутренней и внешней». «О вежливости и тактичности». «Культура начинается с мытья рук». «Нормы поведения за столом». Для чтения лекций «Штаб содействия вежливости» мобилизовал лучшие силы университета.

Итак, «День хорошего тона» миновал. Как же обстоит теперь в пермском храме науки? Продолжают ли юноши уступать дорогу преподавателям и девушкам в коридорах и на лестницах? Как ведут себя студенты и студентки за столом? Моют ли они и сейчас руки перед «дой» Или 8 апреля было для студентов необыкновенным, святым днем?

Б. ЗОРИН

Рис. Д. Павловара.

ЛОСКОТК

В тот год весна началась бурно. Заволода, она бушевала надменно, наваливаясь шальные дни. Снег убывал на глазах. Тялая вода затопила поляны и восточную, походяя и лесу, стала пронизывать в округ, где на листьях прошлогоднего шалоронника дремал лосенок.

Вот уже пять дней назад он появился на свет и еще ни разу не выходил из норы. Первые три дня лосенок мател под кожей, не покидая его. Но на четвертый день, мальчик остался один.

С рассвета что-то забесновало лосенку. Она встала и, высоко задрав морду, постынула воду. Затем наклонилась к лосенку и, нежно лизнула его тельцу и вывернула мордочку, в несколько раз высунув из норы и бросилась вразлом в густой мойской осинке. Еще через несколько секунд расцелился выскочил из норы и бросился вразлом в густой мойской осинке. Еще через несколько секунд расцелился выскочил из норы и бросился вразлом в густой мойской осинке.

Истоптавшись, лосенок припал к земле и так лежал, не шевельваясь, до самого вечера. Проходила час за часом — лосенок не шевельнулся. И только глубокой ночью лосенок услышала шаг, а затем тихое, перекатывающееся в глухой край дырявое мател. Мальчик вскричал и с рывку потянулся к ней. Но в следующий миг делало ему трудно стоять. Но еще издавно сильные ноги лосенки гонимые гонимыми лосенку пригнали шю, чтобы не выжить из своих ног упругие вымя.

Напоит лосенка лежала. Она несколько раз пыталась встать, но ноги не слушались, копыта сваливались по влажной земле, оставляя на ней глубокие кривые борозды. Лосенок еще раз вывернула голову. Кроме глаза она увидела склонившего лосенка, который чередил чередил похлодывание вымя. Потом лосенок ее ухватил за шю, задрав лапу, затюка.

Останов, лосень прошептал тревожно. Лосенок расслепала, рав начинала засыпать, и только она ощущала в губах приливный вкус молока, сладко гонимый, заслышавшись, но не мог насытиться и снова просыпалась.

Неожиданно что-то холодное лизнуло его вымя. Лосенок вскричал. Но ничего не происходило распользлась лужка. Ему было холодно стоять в луже, он выбрался отсюда. Оглядевшись на сухом ме-

сте, мальчик успокоился и стал с любопытством смотреть на мать — туца, где делала мател.

Вдруг его лосень раздражилось. Он начал кричать, вырываясь из норы. Лосенок уловил доносившиеся откуда-то издалека звуки молота.

Неподолку, посреди небольшой поляны, у старой могилы стояла на привала пестрая. Белоголовый теленок, несомненно, принадлежал к паре, косяк, сосал ее вымя. Тяжелый густой запах парного молока распространялся вокруг. Это-то запах и впечатляло лосенка.

Чужой нос мальшка тотчас же безошибочно определила, где так вкусно пахнет.

Он пробрался через кустарники и направился прямо к корове. Она встретила его безразлично, высунув свою безрогую голову. Сделав шаг навстречу, сильно натюка вымя, и направился к вымя. Малыш на секунду остановился. Теленок повернул к лосенку свою добродушную мордочку. Тот пробовал сосать с его теленка, видя лосенка, бачон и лосенок были уже молочными братьями. Мальчуган очень удивился, увидев, как они, прижавшись к вымя с обеих сторон, мирно и дружно сосали.

Делуцал — затюкал Сергея в памяти себя от радости. И спугнул лосенка, испугавшись, лосенок стал отстраниваться. Он шарканулся на вымя, пытаясь выжить отстранившись.

Сергея вернулся к дому и торопливо рассылал лосенку все, что видел.

Он прошил пашину и углубился в кустарник. По толку снегу, истыгившему кивало, следи лосенка ввали в округ. Старик и мальчик застывали на месте. Делуцал картина открылась их взору.

На дне оврага делала неловко, следи лосенка ввали в округ. Старик и мальчик застывали на месте. Делуцал картина открылась их взору.

На дне оврага делала неловко, следи лосенка ввали в округ. Старик и мальчик застывали на месте. Делуцал картина открылась их взору.

взвил лосенка на рукав. Малыш доверчиво привалил к ирному плечу старика.

Лосенка поместил в ялку. Первое время он делалось по потом привык и перестал боиться людей. Каждое утро малыши приходил к крыльцу и дождавшись, когда выйдет Сергеева или старик с куском ржаного хлеба, посыпанного солью, Сергеева душа не чал в лосенку. Он целые дни проводил с ним. Лосенок тоже все больше и больше привязывался к мальчику.

Так прошли четыре месяца. Наступило время гнилой охоты.

Охотники лесник возвращались с вечерней стыл недоловый. Лет был богатый, но старцу на полевых привалах от одного крылана да двух небольших чирят.

— Баракит мой туца, бес ее возьми! — ворчал старик. — А морда и шю не тут.

На другой день пронеслись дед паду. Солнце стояло уже высоко, когда он с грузом в одной руке и лосенок в другой, когда он с грузом в одной руке и лосенок в другой, когда он с грузом в одной руке и лосенок в другой.

Сергеева — братился лосенку к вымя, что и старик рившему на ступеньках. — Нака, повес на забор! Гужелью пристрелять жука, миски — скажи он, передава Сергеева браться.

Мальчуган быстро передал лист к ветке изгороди. Лосень оттолкнул метра на двадцать шаг и попил ружье, привул выстрел. В то же мгновение дед и мальчик

увидели, как над плетнем мелькает мордочка тусовки, и услышали глухой стук лопыт. Выстрел спугнул мальшка, прорывавшегося к нему за изгородью.

Позднее утром пришло Сергеева и перемахнул через забор. Лосенок был уже далеко. Мальчик бевал так быстро, как до этого никогда не бевал. Все он минавал по релеску и омывался на пыльной поляне среди кустов старого орешника.

— Малыш! — звал Сергеева, но возврата никто не было видно.

Вскоре орешник кончился, и Сергеева опык отступил в лесу.

Позднее за его спиной кто-то фирилал и остроконечно тонулся в затюке. Сергеева вскрикнул от неожиданности и обернулся. На него занисливания, често-часто моргал, на бевал. Все он минавал по релеску и омывался на пыльной поляне среди кустов старого орешника.

— На следующее утро малыши как ни в чем не бывало поехали к крыльцу за куском ржаного хлеба. Старик и Сергеева еще спали. Лосенок потоптался на месте и решил стучать копытцем в деловой ступеньки. Это стук разбудил деду и внука. Лосенок, изрыкая, перевернулся к бою на бок и добродушно проворчал:

— Ах ты, барабанишь привали, нелегка тебе привали...

В. АННИКОВ

ОТВАЖНАЯ БЕРЕКА

На одном из пустырей в окрестностях города Калининграда мне довелось увидеть старую березку, приставленную к релеску в расщелину старого вымя. Деревцо оказалось немыслимо мерно на высоте десяти метров над землей. Беленая его ствола и яркие зеленые листья выглядели очень эффектно на фоне старикамши и голубого неба. И сферграфическим черчением и посылаю пример в ваш журнал.

Э. ТАКЕЛЛО
г. Москва.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Составил Г. Мухин

Собрание представителей организаций: 38. Отнюне-звездная масса интури. 39. Амальбу на Воскресенье исполнители. 40. Госкоминформационный центр.

По радусам:

- 1. Высоегорный туризм.
- 2. Группа лиц совместно занимающихся физкультурой и специальными знаниями — реформаторская мина.

- 3. Город в Иркутской области.
- 4. Город в Албасской АССР, где добывается углин.
- 5. Музей В. Маяковского.
- 6. Лучший человек.
- 7. Лучший грамматин.
- 8. Автор слов «Гимна демократической молодежи».
- 9. Общественное учреждение.
- 10. Приблизное водное пространство.
- 11. Площадка для тенниса.
- 12. Голланд-эпопей В. Ладиса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОД НАПЕЧАТАНЫИ В № 9

По вертикали:

- 1. Листок. 2. Бесос. 3. Лапка. 4. Вентиль. 5. Шарнир. 6. Подшипник. 7. Эфирит. 8. Литфондизация. 9. Аргус. 10. Ебелет. 11. Снуус. 12. Велюет. 13. Шавель. 14. Бивальва. 15. Сумуш. 23. Латунка. 24. Тачка. 25. Паллада. 29. Бригада. 32. Апуле.

По горизонтали:

- 1. Шарнир. 2. Паллада. 3. Могом. 4. Гашек. 10. Машиностроитель. 13. Варшава. 14. Фельсая. 17. Койот. 18. Селитра. 19. Аргус. 20. Ебелет. 21. «Медведь». 23. Запятая. 24. Физик. 27. Аляска. 28. Думларп. 31. Кремний. 34. Трилобитология. 35. Адмирал. 36. Шифер.

Главный редактор М. А. Вендинок.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Языцкого поля, 28.

Изд. № 614. Заказ № 1142.

По оруженности:

- 1. Фей. 2. Сатурн. 3. Юпитер. 4. Лаборатория космоскопа. 5. Комсомолец. 6. Астрономический роман. 7. Островский. 8. «Рожденные бурей». 10. Приветствие. 13. Крик. 14. Восточное дерево. 16. Самосуд. 17. Представитель народа торжественной являющейся группы. 18. Небольшое деление часть организации. 19. Защ.

Руконис не возвращаются.

Тел. Д. 3-34-24. А 03558. Подписано к печати 20V 1958 г.

Формат бумаги 70 X 108.

Ордене Ленина типография газеты «Правды» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Редакция: Г. Гумя, Е. Домлаговский.

Технический редактор О. Шваба.

Тираж 360 000 экз.

1.75 копей. л.— 484, печ. д.—

Добровольцы

Слова Алексея МАРКОВА.
Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО.

Нас никто не неволил,
Выбирали мы сами
Бесполойное дело
И горькое зная,
Мы Владимирским шляхом
В рудники уходили...
И бинты из рубахи
После боя кроили.

Мы делились осмужкой
И ognuno по кругу,
Мы в холодных теллушках
Согрели друг друга.

Гибли в топках и штольнях,
Становились под пули,
Но и дорогам солнышка
Мы с прямых не свернули.

Нас никто не принудил
Заслонить амбразуру.
Уж такие мы люди —
Не трясемся за шкуру.
Если надо, так надо —
В пламя ринемся смело,
Примем смерть, как награду
За рабочее дело.

В темпе марша

1. Нас ни-кто не не-во-лил, вы-би-ра-ли мы са-ми
бес-по-кой-ну-ю до-лю и го-ря-че-е зна-мя. Мы Вла-димирским шля-хом в рудни-
ки у-хо-ди-ли... И бин-ты из ру-ба-хи после бо-я кро-и-ли. 2. Мы де-//ну-ли.
3. Нас ни-// де-ло. Ес-ли на-до, так на-до, — в пламя ри-нем-ся
сме-ло, при-мем смерть, как на-граду за ра-бо-че-е де-ло.

Музыка Э. Колмановского

Цена номера
2 руб.

